



ВЕСТНИК

ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МИИТ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2013 ГОДА

№ 4 (52) 2025

**ОБ ОБЫЧАЯХ ДЕЛОВОГО
ОБОРОТА:** РАЗМЫШЛЕНИЯ О
КЛАССИФИКАЦИИ

**ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ И
СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**
НА ПРЕСТУПНОСТЬ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИИ
КАК ОБЪЕКТА ПРАВА

ИСТОКИ НАУК,
ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
И ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

МЕТОДОЛОГИЯ
ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

**Электронный научный журнал
«Вестник Юридического института МИИТ»
2025. № 4 (52)**

Дата размещения — 15 января 2026 г.

Журнал издается с 2013 г.

Научное направление издания: Право.

Адрес редакции: 127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

Телефон: 8 (495) 681-90-19.

Факс: 8 (495) 684-28-49.

E-mail редакции: albinadg@mail.ru

Официальный сайт в сети Интернет: <http://vestnik-ui-miit.ru>.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Российский университет транспорта**».

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журналу присвоен международный стандартный номер serialного издания (ISSN) **2542-1573**.

Периодичность: четыре раза в год.

Редакционная коллегия

Главный редактор — **НЕСТЕРОВ Евгений Александрович**, кандидат юридических наук

Ведущий редактор — **ГУСЕЙНОВА Альбина Джаббаровна**

Ответственный за сайт — **ФИЛИППОВ Дмитрий Сергеевич**

Выпускающий редактор — **ЧЕБОТАРЕВ Владимир Евгеньевич**

Английская версия — **СКУЙБЕДИНА Ольга Николаевна**

Дизайнер — **КАСЯКИН Игорь Викторович**

**The online scientific journal
«Bulletin of the Law Institute of MIIT»
2025. № 4 (52)**

The date of the issue is the 15-th of January, 2026.

The journal has been published since January 2013.

The research area of the publications is 12.00.00 Jurisprudence.

The official address of the editorial board is Obraztsov Str., 9/9, Moscow, 127994.

Tel.: 8 (495) 681-90-19;

Fax.: 8 (495) 684-28-49;

Email: albinadg@mail.ru.

The official site in the Internet is URL: <http://vestnik-ui-miit.ru/>

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education **«Russian University of Transport»**.

The journal is introduced into the system of the Russian Science Citation Index (RSCI) according to the contractual agreement № 381-06/2016 of June 24, 2016.

The journal is assigned an international standard serial number (ISSN) **2542-1573**.

The journal is issued 4 times a year.

Editorial Board

The editor-in-chief is **NESTEROV Evgeny Aleksandrovich**, Candidate of Law

The executive editor is **GUSEYNOVA Albina Dzhabbarovna**

The programmer and designer of the Website is **FILIPPOV Dmitry Sergeevich**

The managing editor is **CHEBOTAREV Vladimir Evgenievich**

The English version is made by **SKUYBEDINA Olga Nikolaevna**

The graphic designer is **KASYAKIN Igor Viktorovich**

Главный редактор:
Нестеров Евгений Александрович
кандидат юридических наук

Редакционный совет:
Нестеров Евгений Александрович
кандидат юридических наук, директор Юри-
дического института МИИТ
(председатель совета)

Киселевич Игорь Валентинович
кандидат юридических наук, доцент
Рудакова Елена Николаевна,
доктор политических наук, профессор
Цветков Виктор Яковлевич
доктор технических наук, профессор
Чеботарева Анна Александровна,
доктор юридических наук, доцент

The editor-in-chief:
Nesterov Evgeny Aleksandrovich
Candidate of Law

Editorial Council:
Nesterov Evgeny Aleksandrovich
Candidate of Law,
the head of the Law Institute of MIIT
(Chairman of the Council)

Kiselevich Igor Valentinovich
Candidate of Law, associate professor
Rudakova Elena Nikolaevna
Doctor of Political Sciences, professor
Tsvetkov Viktor Yakovlevich
Doctor of Technical Sciences, professor
Chebotareva Anna Aleksandrovna
Doctor of Law, associate professor

© Российский университет транспорта (МИИТ), 2025
При использовании материалов журнала необходимо
ссылаться на «Вестник Юридического института
МИИТ»

Официальный сайт
Юридического инсти-
тута
www.ui-miit.ru

© Russian University of Transport, 2025
When using materials from the journal, the reference to
the «Bulletin of the Law Institute of MIIT» is obligatory.

The official site
of the Law Institute is
www.ui-miit.ru

Содержание

Гражданское право

Тарасенко Ю. А.

Об обычаях делового оборота:
размышления о классификации 9

Уголовное право

Ваштутина Е. Д.

Влияние цифровых технологий и социальных сетей
на преступность несовершеннолетних 18

Нагорная И. И.

Некоторые вопросы уголовно-правой охраны
несовершеннолетних потерпевших от преступлений
против личности 23

Информационное право

Цветков В. Я.

Эволюция информации как объекта права 39

Международное право

Альбиков И. Р., Зайцев Е. О.

Актуальные вопросы международного транспортного
права 48

Теория и история транспортного права

Жаворонков В. А., Вострова Д. А.

Истоки наук, лежащих в основе обеспечения безопасности
дорожного движения и технической эксплуатации
транспортных средств 54

Максуров А. А.

Методология правового обеспечения информационной
безопасности.....66

Требования к материалам, представляемым
для опубликования в журнале «Вестник Юридического
института МИИТ»73

Contents

Civil law

Tarasenko Yuri Al.

On usual and customary business practices: reflections
on classification 9

Criminal law

Vashutina Elena D.

The impact of digital technologies and social media
on juvenile delinquency 18

Nagornaya Irina Ig.

Some issues of criminal-legal protection of juvenile victims
of crimes against the person 23

Information law

Tsvetkov Viktor Ya.

The evolution of information as an object of law 39

International law

Al'bikov Ildar R., Zaitsev Evgeny O.

Current issues in International Transport Law 48

Theory and history of transport law

Zhavoronkov Vladimir Al., Vostrova Dariya An.

The origins of the sciences underlying road traffic safety
and vehicle maintenance 54

Maksurov Aleksey An.

Methodology of legal support for information security 66

Requirements for the materials submitted for publication
in the journal “Bulletin of the Law Institute MIIT” 73

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Научная статья

УДК 347.4

Об обычаях делового оборота: размышления о классификации

Тарасенко Юрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью обычаем делового оборота в условиях стремительного развития рыночных отношений и неизбежной лакунарности законодательного регулирования. Статья посвящена анализу возможности и необходимости разделения обычаем делового оборота на две качественно различные категории: признанные государством и формируемые автономно сообществами коммерсантов. Основная проблема заключается в отсутствии четкой классификации, что порождает правовую неопределенность в предпринимательской сфере. Целью работы является обоснование предложенной классификации и выявление ее правовых последствий. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-логический методы анализа. Исследование показало, что существующие подходы к классификации недостаточно учитывают различие в источнике легитимности обычаем. Предлагаемое разделение позволяет провести четкое разграничение по критерию государственного признания, что напрямую влияет на механизмы применения, обязательность для судов и степень правовой определенности. Новизна исследования заключается в систематизации обычаем именно по этому ключевому признаку. В качестве перспектив развития законодательства рассматриваются разработка единых критериев «широкого применения» и создание реестра официально признанных обычаем. Результаты работы могут быть использованы для совершенствования судебной практики и повышения правовой грамотности участников экономической деятельности.

Ключевые слова: обычай делового оборота; источники гражданского права; классификация обычаем; нормы поведения; автономия коммерсантов; правовая определенность; международные торговые термины.

Для цитирования: Тарасенко Ю. А. Об обычаях делового оборота: размышления о классификации // Вестник Юридического института МИИТ. 2025. № 4 (52). С. 9–17.

Original article

On usual and customary business practices: reflections on classification

Yuri Al. Tarasenko,
Candidate of Law, Associate Professor,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. The relevance of the current study stems from the growing role of usual and customary business practices in the rapidly developing market relations and the inevitable gaps in legislative regulation. The paper has analyzed the possibility and necessity of dividing business customs into two qualitatively distinct categories: those recognized by the state and those formed autonomously by business communities. The main problem is the lack of a clear classification, which creates legal uncertainty in the business sector. The purpose of the current paper was to substantiate the proposed classification and identify its legal implications. The methodological basis included comparative legal, systemic-structural, and formal-logical analysis methods. The study has revealed that existing classification approaches insufficiently account for the differences in the source of customary legitimacy. The proposed classification allows for a clear distinction based on the criterion of state recognition, which directly impacts the mechanisms of application, the binding nature of courts, and the degree of legal certainty. The novelty of the current study is in its systematization of practices based on this key characteristic. The development of uniform criteria for “broad application” and the creation of a register of officially recognized customs have been considered as the prospects for legislative development. The study results could be used to improve judicial practice and enhance the legal literacy of economic participants.

Keywords: usual and customary business practices; sources of civil law; classification of practices; norms of conduct; autonomy of merchants; legal certainty; international trade terms.

For citation: Tarasenko Yu.A. On usual and customary business practices: reflections on classification// Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2025; (4(52)):9–17.

© Тарасенко Ю. А., 2025

В современных условиях развития рыночной экономики и постоянного усложнения гражданско-правовых отношений особую значимость приобретают неформализованные регуляторы делового взаимодействия. Одним из таких фундаментальных элементов является обычай делового оборота, который, наряду с законом и договором, занимает важное место в системе источников гражданского права Российской Федерации. Актуальность исследования данной темы обусловлена как теоретической недостаточностью разработки вопросов классификации обычаев делового оборота, так

и практической необходимостью четкого разграничения их видов для обеспечения стабильности и предсказуемости правоотношений в предпринимательской среде. Научное осмысление этого института становится насущным требованием времени, поскольку правоприменительная практика все чаще сталкивается со сложностями, связанными с установлением факта наличия, содержания и условий применения того или иного обычая.

Статья 5 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) до изменения в 2012 г. устанавливала, что «обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе». Это положение заложило основы для понимания обычаем делового оборота как автономного источника права, но при этом, как, впрочем, любое определение, не раскрыло всей сложности их классификации. Проблема заключается в том, что в действующем законодательстве отсутствует единая, общепринятая система, позволяющая четко разграничить обычай по их происхождению, степени формализации и уровню государственного признания. Такой правовой вакуум создает серьезные риски для участников оборота, которые могут полагаться на тот или иной обычай, не имея уверенности в его юридической силе и возможности принудительного исполнения. Поэтому цель настоящей статьи заключается в обосновании возможности и необходимости разделения обычаем делового оборота на две основные категории: признаваемые государством и признаваемые исключительно сообществами коммерсантов. Для достижения этой цели необходимо провести комплексный анализ понятия и правовой природы обычаем, проанализировать существующие подходы к их классификации, выявить объективные критерии для предложенного разделения и определить его конкретные правовые последствия для субъектов правоотношений.

Понятие и правовая природа обычаем делового оборота в российском гражданском праве определяется прежде всего положениями ст. 5 ГК РФ, которая представляет собой ключевой нормативный источник для их понимания. [Редакционные изменения статьи в 2012 г. не затронули смысл, который вкладывается в понятие «обычай делового оборота».] Данная статья содержит несколько взаимосвязанных признаков, каждый из которых имеет принципиальное значение. Во-первых, обычай должен быть «сложившимся», что подразумевает его устойчивость, длительность существования и постоянство применения в течение определенного периода времени. Этот признак отличает обычай от случайной или единичной практики, которая не может претендовать на статус источника права. Во-вторых, он должен быть «широко применяемым» в конкретной области предпринимательской деятельности. Критерий «широкого применения» является наиболее спорным и трудно поддающимся формализации, поскольку законодательство не дает четкого определения масштаба такого

распространения — достаточно ли для этого применения в рамках одного региона, отрасли или требуется общероссийское признание; или речь идет о частоте его использования? Возможно также имелось в виду количество участников, использующих данный обычай? В-третьих, обычай не должен быть прямо предусмотрен законом, что подчеркивает его роль как дополнительного, замещающего источника права, применимого только в случаях молчания закона или иного нормативного правового акта. И, наконец, обычай подлежит применению только к отношениям лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Существует мнение, что обычай делового оборота всегда содержит в себе лишь одну правовую норму. Как указывает Н. И. Миклашевская, «являясь источником права, обычай делового оборота всегда содержит в себе лишь одну правовую норму. Подтверждением этому служит легальное понятие обычая делового оборота» [1]. Это положение имеет важное значение для понимания структуры и содержания обычаев, а также для их корректного применения в правовой практике. Суть данного тезиса заключается в том, что законодательно закрепленное определение (ст. 5 ГК РФ) подразумевает единое, конкретное правило поведения — например, порядок уведомления о поставке товара, срок акцепта оферты или форма расчетов. Такой подход позволяет рассматривать каждый признанный судом обычай как отдельный элемент системы права, который можно четко выделить, проанализировать на соответствие закону и применить к конкретному правоотношению.

Однако на практике границы между одной нормой и совокупностью норм могут быть размыты, особенно когда речь идет о комплексных отраслевых стандартах, которые регулируют целый ряд аспектов деятельности. Проблема возникает в случаях, когда участники рынка ссылаются не на отдельное правило, а на целые своды правил, такие как Унифицированные правила и обычай для документарных аккредитивов (УПИДАК) или стандарты Международной организации по стандартизации (ISO). Эти документы представляют собой не единичные нормы, а сложные системные образования, состоящие из множества взаимосвязанных правил, регулирующих различные этапы и стороны одного и того же процесса. Например, условие *Incoterms FOB (Free On Board)* само по себе является одним правилом, но его применение предполагает наличие целого комплекса сопутствующих обычаев: от момента перехода рисков до обязанностей по страхованию и таможенному оформлению. Таким образом, при ссылке на один термин фактически активируется целый блок нормативных установок, что противоречит представлению об обычаях как о носителях единственной правовой нормы.

Эта коллизия порождает серьезные правоприменительные трудности. С одной стороны, суд может попытаться изолированно рассмотреть только ту часть стандарта, которая напрямую связана со спорным вопросом. С другой стороны, игнорирование контекста и взаимосвязей внутри ком-

плексного правила может привести к нелогичным и несправедливым выводам. Как отмечает В. А. Белов, обычаи делового оборота в современном гражданском праве продолжают развиваться, адаптируясь к новым формам хозяйственной деятельности [3], что включает в себя и появление таких многоуровневых регуляторных систем. Поэтому строгое следование идеи «один обычай — одна норма» может оказаться юридически консервативным и не соответствовать реалиям современного бизнеса, где процессы высокоинтегрированы и регулируются комплексными решениями. Возникает необходимость в более гибком подходе, при котором сам комплекс правил (например, весь свод Инкотермс) мог бы рассматриваться как система взаимосвязанных обычаев, применяемых в совокупности, если это одобрено участниками оборота.

В современной юридической литературе существует множество подходов к классификации обычаев делового оборота, каждый из которых выделяет определенные критерии и основания для разделения обычаев на различные виды.

Одним из наиболее распространенных является классификация по виду выраженных в них правовых норм. Согласно исследованиям Н. И. Миклашевской, обычай делового оборота по этому критерию могут быть разделены на управомочивающие и обязывающие [1]. Управомочивающие обычай устанавливают права участников делового оборота, предоставляя им возможность выбора определенного поведения, тогда как обязывающие обычай устанавливают обязанности, которые участники обязаны исполнять.

Другим значимым критерием является документальная зафиксированность обычаев. Как отмечает Е. П. Фомущина, обычай делового оборота по признаку документальной зафиксированности подразделяются на документально зафиксированные и документально не зафиксированные [2]. Документально зафиксированные обычай — это те, которые закреплены в отраслевых стандартах, правилах, рекомендациях или других официальных документах, что значительно упрощает их доказывание в суде. Документально не зафиксированные обычай существуют в форме неписанных правил, сложившихся в практике делового оборота, и их установление в процессе требует предоставления свидетельских показаний, экспертных заключений и других доказательств.

По территории возникновения и применения обычай могут быть классифицированы как международные, национальные или локальные (отраслевые). Международные обычай, такие как Инкотермс или УПИДАК, применяются в сфере международной торговли и играют ключевую роль в унификации правил расчетов и поставок. Национальные обычай действуют на территории конкретного государства, а локальные (отраслевые) — в пределах определенной отрасли или региона. По характеру влияния законодательства обычай делового оборота могут быть разделены на объективно-применимые и объективно-необязательные. Объективно-

применимые обычаи действуют автоматически, независимо от воли участников правоотношений, тогда как объективно-необязательные обычаи применяются только при явном соглашении сторон на их использование. Несмотря на ценность этих подходов, большинство из них не учитывают важнейшее различие между обычаями, получившими официальное признание через механизм законодательного или судебного закрепления, и обычаями, которые формируются и функционируют исключительно в рамках профессиональных сообществ без прямого вмешательства государства. Эта грань является ключевой для понимания реального статуса обычая в правовой системе. Как отмечает Я. В. Трофимов, гражданско-правовые обычаи делового оборота играют важную роль в регулировании отношений в предпринимательской сфере и в сфере оборота (договорные отношения) [6]. Однако важно подчеркнуть, что не все обычая, упомянутые в научной литературе, получают официальное признание государством.

Предлагаемая автором классификация обычаем делового оборота основывается на критерии признания — государственного или коммерческого. Данная классификация позволяет более четко разграничить обычай по их правовой силе, механизму возникновения и условиям применения, что способствует повышению правовой определенности. Обычаями, признанными государством, являются те правила поведения, которые получили официальное признание через механизм законодательного или судебного закрепления. Критериями отнесения обычаем к этой категории являются: официальное упоминание в нормативных правовых актах (например, ссылки на международные правила в федеральных законах); установившаяся судебная практика, подтверждающая их применение в качестве источника права; соответствие требованиям ст. 5 ГК РФ, в частности, критерию «широкого применения». Примерами обычаем, признанных государством, могут служить международные торговые термины (Инкотермс), которые хотя и разрабатываются Международной торговой палатой, но получили широкое признание в российской правоприменительной практике и фактически стали частью национального права. Такие обычай обладают высокой степенью правовой определенности и предсказуемости.

Обычаями, признанными сообществами коммерсантов, являются правила поведения, которые формируются и применяются исключительно в рамках профессиональных сообществ без официального признания со стороны государства. Критериями отнесения обычаем к этой категории являются: автономное формирование в профессиональных сообществах (например, товарные биржи, отраслевые ассоциации); отсутствие прямого упоминания в законодательстве или установившейся судебной практике; зависимость от локального применения и признания конкретными участниками правоотношений.

Примерами могут служить специфические практики оформления сделок в узкоспециализированных отраслях бизнеса, внутренние правила расче-

тов на определенных площадках или локальные обычаи, действующие в рамках конкретного региона. Важно подчеркнуть, что такие обычаи, хотя и не имеют официального признания, могут играть значительную роль в регулировании повседневной деловой практики. Однако их применение сопряжено с определенными рисками, так как отсутствие официального признания может привести к сложностям в их доказывании и применении в случае возникновения споров, поскольку суд будет требовать доказательства их «широкого применения» и одобрения участниками рынка.

Правовые последствия предложенной классификации являются очевидными и имеют большое практическое значение. Для обычаем, признанных государством, основным последствием является их обязательность для применения судами. Согласно ст. 6 ГК РФ к отношениям лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, применяются обычай делового оборота, сложившиеся и широко применяемые в соответствующей отрасли или сфере деятельности. Это означает, что суды обязаны учитывать такие обычай даже в случае, если стороны не ссылались на них в своих возражениях, поскольку они являются частью действующего права. Кроме того, обычай, признанные государством, могут быть оспорены только в случае признания их противоречащими закону, что создает надежную правовую основу для участников предпринимательской деятельности, полагающихся на них. Для обычаем, признанных сообществами коммерсантов, правовые последствия иные. Их применение зависит от волеизъявления сторон и регулируется свободой договора (ст. 421 ГК РФ). Они не являются обязательными для судов и применяются только при наличии прямого соглашения сторон или при наличии достаточных доказательств того, что данные правила были известны и одобрены обоими контрагентами. Основным риском здесь является сложность доказывания существования и содержания обычая, а также вероятность его признания недействительным, если не будет доказано его соответствие критерию «широкого применения». Как справедливо отмечает Е. А. Суханов, вопросы теории источников гражданского права остаются одними из самых сложных и дискуссионных в юридической науке [5], и именно четкая классификация обычаем может помочь в решении многих из этих дискуссий.

Проблемы и перспективы применения обычаем делового оборота тесно связаны с предложенной классификацией. Одной из главных проблем является сложность доказывания обычаем, особенно тех, которые не зафиксированы документально. Как отмечает Е. П. Фомушина, обычай делового оборота по признаку документальной зафиксированности подразделяются на документально зафиксированные и документально не зафиксированные [2]. Доказывание документально не зафиксированных обычаем представляет собой серьезную проблему, требующую предоставления множества доказательств, включая экспертные заключения от профессиональных ассоциаций, свидетельские показания представителей отрасли

и аналитические отчеты. Эта проблема особенно актуальна для обычаев, признанных сообществами коммерсантов.

Одной из существенных проблем является неопределенность критерия «широкого применения». Российское законодательство не содержит четкого определения этого понятия, что порождает правовую неопределенность. Вcommentаторской литературе можно встретить следующие критерии «широкого применения»: а) частота использования: правило регулярно применяется в деловых отношениях в определенной отрасли или сфере деятельности; б) количество участников, признающих и применяющих правило: обычай известен и используется значительным числом предпринимателей или организаций в данной сфере; в) устойчивость во времени: правило применяется на протяжении длительного периода, не является эпизодическим или временным явлением; г) признание в профессиональных кругах: обычай широко известен и признан в сообществе специалистов или отраслевых ассоциациях; д) отражение в практиках и решениях: использование правила прослеживается в судебной практике, деловых документах или иных источниках, свидетельствующих о его распространенности.

Представляется, что указанные критерии могут быть ориентирами для участников коммерческого оборота, судов, рассматривающих спор. Они не должны наличествовать все вместе. В зависимости от ситуации, для выявления широты применения может быть привлечен только какой-либо один критерий (или некоторые из них). Так, например, частота использования предполагает регулярное к нему обращение. В этом смысле, вероятно, нельзя считать «широким применением» лишь эпизодическое обращение предпринимателей к определенному правилу. Тем не менее в коммерческом обороте может быть важна не столько частота применения правила, сколько сама возможность его использования. Участники делового оборота могут быть осведомлены о конкретном правиле и учитывать его, но применять лишь в определенных, может быть, не самых частых ситуациях — когда этого требует сложившаяся обстановка.

Перспективным направлением решения этих проблем является разработка и внедрение официального реестра признанных государством обычаев делового оборота. Такой реестр бы повысил правовую грамотность бизнес-сообщества и снизил количество споров.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что разделение обычаев делового оборота на признанные государством и признанные сообществами коммерсантов представляет собой важный шаг в развитии теории и практики применения обычаев в российском гражданском праве. Такая классификация позволяет четко разграничить обычай по их правовой силе, механизму возникновения и условиям применения, что способствует повышению правовой определенности в предпринимательской деятельности. Обычаи, признанные государством, обладают большей правовой определенностью и предсказуемостью, так как их применение регулиру-

ется законодательством и судебной практикой. Их обязательность для применения судами и возможность оспаривания только в случае противоречия закону создают надежную правовую основу для участников предпринимательской деятельности. Обычаи, признанные сообществами коммерсантов, хотя и не имеют официального признания, играют важную роль в регулировании повседневной деловой практики. Однако их применение сопряжено с определенными рисками, связанными со сложностью доказывания их существования и соответствия критерию «широкое применение». Для решения существующих проблем и повышения эффективности применения обычая делового оборота представляется целесообразным разработать официальный реестр признанных государством обычая делового оборота. Внедрение предложенной классификации и реализация указанных рекомендаций позволит повысить правовую определенность в предпринимательской деятельности, снизить количество споров и создать более благоприятные условия для развития рыночных отношений в Российской Федерации.

Список источников

1. Миклашевская, Н. И. Классификация обычая делового оборота // Журнал российского права. — 2003. — № 14. — С. 112—125.
2. Фомущина, Е. П. К источникам гражданского права России // Государство и право. — 2010. — № 5. — С. 45—58.
3. Белов, В. А. Обычаи делового оборота в современном гражданском праве // Журнал зарубежного права и сравнительного правоведения. — 2017. — Том 19. — № 4. — С. 112—128.
4. Трофимов, Я. В. Гражданко-правовые обычай делового оборота // Российский юридический журнал. — 2015. — № 3. — С. 78—92.
5. Суханов, Е. А. Основные проблемы теории источников гражданского права // Государство и право. — 2019. — № 6. — С. 34—49.

References

1. Miklashevskaya, N. I. Klassifikatsiya obychayev delovogo oborota [Classification of usual and customary business practices] // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2003. — № 14. — S. 112—125.
2. Fomushina, Ye. P. K istochnikam grazhdanskogo prava Rossii [On the Sources of Civil Law of Russia] // Gosudarstvo i pravo. — 2010. — № 5. — S. 45—58.
3. Belov, V. A. Obychay delovogo oborota v sovremennom grazhdanskom prave [Usual and customary business practices in modern Civil Law] // Zhurnal zarubezhnogo prava i srovnitel'nogo pravovedeniya. — 2017. — Tom 19. — № 4. — S. 112—128.
4. Trofimov, YA. V. Grazhdansko-pravovyye obychay delovogo oborota [Civil and legal customary business practices] // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2015. — № 3. — S. 78—92.
5. Sukhanov, Ye. A. Osnovnyye problemy teorii istochnikov grazhdanskogo prava [Main problems of the theory of sources of civil law] // Gosudarstvo i pravo. — 2019. — № 6. — S. 34—49.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Научная статья

УДК 343.85

Влияние цифровых технологий и социальных сетей на преступность несовершеннолетних

Вашутина Елена Дмитриевна,
юрисконсульт,
Российский университет дружбы народов (РУДН),
Москва, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу влияния цифровых технологий и социальных сетей на преступность среди несовершеннолетних в России. Рассматриваются теоретические основы проблемы, включая особенности цифровой среды, причины и мотивационные факторы, способствующие вовлечению подростков в противоправные действия. Представлен анализ статистических данных и судебной практики за 2024–2025 гг., иллюстрирующий рост киберпреступлений и их связь с традиционными видами правонарушений, такими как кражи и угоны. Исследование включает теоретические основы, анализ статистических данных и судебной практики, что позволяет сформировать целостное представление о проблеме и путях ее решения. Статья предназначена для специалистов в области криминологии, психологии, ювенальной юстиции, а также для всех, кто занимается вопросами цифровой безопасности молодежи.

Ключевые слова: несовершеннолетние; социальные сети; цифровые технологии; киберпреступления; цифровая безопасность.

Для цитирования: Вашутина Е. Д. Влияние цифровых технологий и социальных сетей на преступность несовершеннолетних // Вестник Юридического института МИИТ. 2025. № 4 (52). С. 18–22.

CRIMINAL LAW

Original article

The impact of digital technologies and social media on juvenile delinquency

Elena D. Vashutina,
legal adviser,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN),
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has presented the analysis of the impact of digital technologies and social media on juvenile delinquency in Russia. There have been considered the theoretical basis of the problem, including the characteristics of the digital environment and the causes and motivations that contribute to the involvement of adolescent in illegal activities. There has been presented the analysis of statistical data and case law for 2024–2025, illustrating the rise of cybercrime and its connection to traditional crimes such as theft and vehicle robbery. The current study contains theoretical foundations, statistical data, and case law analysis to provide a comprehensive understanding of the problem and possible solutions. The paper can be useful for specialists in criminology, psychology, juvenile justice, and anyone involved in youth digital security.

Keywords: juvenile; social media; digital technologies; cybercrime; digital security.

For citation: Vashutina E.D. The impact of digital technologies and social media on juvenile delinquency // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2025; (4(52)):18–22.

© Вашутина Е. Д., 2025

Проблема преступности несовершеннолетних в условиях цифровизации приобретает исключительную актуальность. Развитие цифровых технологий и социальных сетей изменило социальную среду, в которой формируется поведение подростков. По данным МВД России, в 2024 г. количество киберпреступлений, совершенных несовершеннолетними, достигло 4 тыс., что в 74 раза превышает показатели 2020 г. (54 случая). В первом квартале 2025 г. общий уровень подростковой преступности вырос на 25–27% по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., причем значительная часть правонарушений связана с влиянием социальных сетей и цифровых платформ. Социальные сети, такие как *VK*, *Telegram* и *TikTok*, предоставляют подросткам доступ к неограниченному объему информации, включая деструктивный контент, который может провоцировать девиантное поведение. Подростки становятся объектами вербовки в криминальные схемы, включая сбыт наркотиков, мошенничество и кибербуллинг. Особую тревогу вызывает вовлечение детей в возрасте 9–11 лет в преступления, связанные с наркотиками, что свидетельствует о ранней криминальной социализации. Цель статьи — проанализировать влияние цифровых технологий и социальных сетей на преступность несовершеннолетних, выявить причины и мотивационные факторы, а также предложить меры профилактики.

Цифровая среда, включающая социальные сети, мессенджеры и даркнет, изменила характер взаимодействия подростков с окружающим миром. Интернет предоставляет анонимность, легкость доступа к информации и возможность быстрого общения, что делает его привлекательным для несовершеннолетних. Однако эти же особенности создают условия для вовлечения в криминальную деятельность. Как отмечает Т. М. Лопатина, киберпреступность среди несовершеннолетних стала характерной чертой «цифрового поколения» [1].

Социальные сети формируют у подростков искаженные представления о социальных нормах. Контент, пропагандирующий насилие, криминальный образ жизни или потребление наркотиков, влияет на мировоззрение молодежи. Например, исследования показывают, что около 17% подростков подвержены риску из-за отсутствия доверия к правоохранительным органам и уязвимости в цифровой среде. Мессенджеры, такие как *Telegram*, используются для вербовки в криминальные группы, а даркнет предоставляет доступ к запрещенным веществам и инструкциям по совершению преступлений.

Цифровая среда усиливает групповое влияние. Подростки, ищащие одобрения сверстников, часто попадают в деструктивные онлайн-сообщества, которые подталкивают к правонарушениям. Такие группы способствуют воспроизведству криминальной субкультуры. Это особенно заметно в регионах с высоким уровнем подростковой преступности, таких как Республика Карелия и Коми.

Причины подростковой преступности в цифровой среде многообразны и включают социально-экономические, психологические и культурные факторы. О. Н. Панкова выделяет низкий социально-экономический статус, отсутствие родительского контроля и влияние медиа как ключевые детерминанты. Подростки из малообеспеченных семей могут рассматривать киберпреступления, такие как мошенничество, как способ решения финансовых проблем [2].

Психологические факторы включают импульсивность, низкую самооценку и потребность в самоутверждении. Социальные сети усиливают эти черты, предоставляя платформу для демонстрации статуса или участия в «челленджах», которые могут быть связаны с правонарушениями. Например, подростки могут участвовать в онлайн-провокациях, таких как «угони машину и выложи видео», чтобы получить признание в группе.

Мотивация варьируется от развлечения до мести. Подростки часто вовлекаются в сбыт наркотиков через мессенджеры из-за обещания быстрого заработка. Кибербуллинг, в свою очередь, может быть мотивирован желанием доминировать или отомстить, что подтверждается исследованиями Н. П. Исмаиловой и З. С. Курбановой [3].

На основе анализа мотивов и социальных характеристик можно выделить несколько типов несовершеннолетних правонарушителей, как предлагает Е. Ю. Шаров:

1) случайные преступники: совершают правонарушения под влиянием спонтанных обстоятельств, например, участвуя в онлайн-челленджах без осознания последствий;

2) ситуационные преступники: действуют под влиянием конкретной ситуации, например, под давлением сверстников в социальных сетях;

3) игровые преступники: рассматривают преступления как форму развлечения, часто публикуя результаты в соцсетях;

4) самоутверждающиеся преступники: стремятся повысить свой статус в онлайн- или офлайн-группах через противоправные действия [4].

Эта типология позволяет разрабатывать дифференцированные меры профилактики, учитывающие психологические и социальные особенности каждой группы.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. около 4 тыс. несовершеннолетних были осуждены за киберпреступления, включая мошенничество, хакерство и распространение запрещенного контента. В первом полугодии 2024 г. наблюдалось снижение киберпреступлений на 13% (с 2000 до 1740 случаев), но в первом квартале 2025 г. отмечен рост на 2,5% (до 1025 случаев). Преступления, связанные с социальными сетями, составили около 60% от общего числа киберпреступлений.

Судебная практика подтверждает связь киберпреступлений с традиционными правонарушениями. В приговоре Иглинского межрайонного суда от 20 мая 2025 г. 15-летний подросток был осужден за кражи телефонов и угон автомобиля, мотивированные влиянием онлайн-групп. Подросток участвовал в *Telegram*-канале, где публиковались инструкции по совершению краж. Суд учел возраст и назначил воспитательные меры.

В Бахчисарайском районном суде в 2024 г. несовершеннолетний был признан виновным в серии краж и угоне мотоцикла, совершенных под влиянием деструктивного контента в социальных сетях. Верховный Суд РФ в постановлении от 19 декабря 2008 г. №15 уточняет квалификацию таких преступлений по ст. 158 и 166 УК РФ. В Приговоре Тосненского городского суда от 3 октября 2024 г. подросток был осужден за угон и разбой, мотивированные онлайн-провокациями. Суд применил условное осуждение, учитывая возраст и отсутствие тяжкого вреда. Эти случаи подчеркивают роль социальных сетей как катализатора преступного поведения.

Учитывая вышеизложенное, исследование выявило значительное влияние цифровых технологий и социальных сетей на преступность несовершеннолетних. Судебная практика подтверждает связь онлайн-влияния с традиционными правонарушениями.

Эффективная профилактика требует комплексного подхода, включающего правовое просвещение, развитие досуга, укрепление семьи и общественный контроль. Реализация предложенных мер позволит снизить

уровень подростковой преступности и создать безопасную цифровую среду для молодежи.

Список источников

1. Лопатина, Т. М. Киберпреступность несовершеннолетних / Т. М. Лопатина // Безопасность бизнеса. — 2024. — № 3. — С. 52—56.
2. Панкова, О. Н. Основные характеристики преступности несовершеннолетних / О. Н. Панкова // Вестник науки. — 2025. — № 1 (82). — С. 370—376.
3. Исмаилова, Н. П. Психологопедагогические проблемы ювенальной юстиции / Н. П. Исмаилова, З. С. Курбанова // Мир науки. — 2024. — № 1. — С. 354—356.
4. Шаров, Е. Ю. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних / Е. Ю. Шаров // Молодой ученый. — 2025. — № 10 (561). — С. 143—145.

References

1. Lopatina, T. M. Kiberprestupnost' nesovershennoletnikh [Juvenile cybercrime] / T. M. Lopatina // Bezopasnost' biznesa. — 2024. — № 3. — S. 52—56.
2. Pankova, O. N. Osnovnyye kharakteristiki prestupnosti nesovershennoletnikh [Main characteristics of juvenile delinquency] / O. N. Pankova // Vestnik nauki. — 2025. — № 1 (82). — S. 370—376.
3. Ismailova, N. P. Psikhologo-pedagogicheskiye problemy yuvenal'noy yustitsii [Psychological and pedagogical problems of juvenile justice] / N. P. Ismailova, Z. S. Kurbanova // Mir nauki. — 2024. — № 1. — S. 354—356.
4. Sharov, Ye. YU. Kriminologicheskaya kharakteristika prestupnosti nesovershennoletnikh [Criminological characteristics of juvenile delinquency] / Ye. YU. Sharov // Molodoy uchenyy. — 2025. — № 10 (561). — S. 143—145.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Научная статья

УДК 343.3/.7

Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны несовершеннолетних потерпевших от преступлений против личности

Нагорная Ирина Игоревна,
кандидат юридических наук,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. Несовершеннолетние как уязвимая категория населения нуждаются в повышенной уголовно-правовой охране, что подразумевает не только создание адекватных санкций, но и правильное формулирование признаков потерпевшего. Включение в п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111 и п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ указания на малолетство потерпевших усилило их уголовно-правовую охрану, однако суды продолжают испытывать трудности при квалификации убийства малолетних потерпевших, что требует дополнительного разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ данного вопроса. Указание на заведомость в отношении возраста потерпевшего должно быть полностью исключено из гл. 16, 17, 18 УК РФ, что не означает возможности вменения соответствующего квалифицирующего признака при отсутствии вины субъекта. Представляется неверным приравнивание бесконтактных развратных действий в отношении лица, не достигшего 12 лет, к насильственным половым преступлениям. Корректная правовая оценка деяний в отношении несовершеннолетних требует также обращения к вопросу об объеме прав родителей в отношении детей. В ряде случаев должен исследоваться вопрос о малозначительности содеянного.

Ключевые слова: несовершеннолетний; потерпевший; родительская власть; телесное наказание; оставление в опасности; заведомость; жестокое обращение с ребенком.

Для цитирования: Нагорная И. И. Некоторые вопросы уголовно-правовой охраны несовершеннолетних потерпевших от преступлений против личности // Вестник Юридического института МИИТ. 2025. № 4 (52). С. 23–38.

Original article

Some issues of criminal-legal protection of juvenile victims of crimes against the person

Irina Ig. Nagornaya,
Candidate of Law,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. Juveniles, as a vulnerable category of population, require enhanced criminal protection, which implies not only the creation of adequate sanctions but also the correct formulation of victim characteristics. The inclusion of reference to the minor age of victims in subparagraph "c" of Part 2 of Article 105, subparagraph "b" of Part 2 of Article 111, and subparagraph "c" of Part 2 of Article 112 of the Criminal Code of the Russian Federation has strengthened their criminal-legal protection. However, courts continue to experience difficulties in classifying the murder of minor victims, which requires further clarification of this issue by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The reference to advance knowledge regarding the age of the victim should be completely excluded from Chapters 16, 17, and 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, which does not mean the possibility of imputing the corresponding qualifying feature in the absence of the subject's guilt. It seems incorrect to equate non-contact sexual assault against a person under 12 years of age with violent sexual crimes. A proper legal assessment of acts against juveniles also requires consideration of the scope of parental rights with respect to their children. In some cases, there must be examined the insignificance of the act.

Keywords: juvenile; victim; parental authority; corporal punishment; abandonment; advance knowledge; child abuse.

For citation: Nagornaya I.I. Some issues of criminal-legal protection of juvenile victims of crimes against the person// Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2025; (4(52)):23–38.

© Нагорная И. И., 2025

Несовершеннолетние являются категорией населения, нуждающейся в повышенной правовой охране с использованием средств различных отраслей права, включая уголовное право. В последнем случае принципиально важно, что такая охрана не должна ограничиваться установлением более строгих наказаний за преступные деяния в отношении несовершеннолетних. Требуется системное рассмотрение проблем, связанных с уголовно-правовой охраной несовершеннолетних, что предполагает необходимость анализа ряда вопросов.

Во-первых, речь идет об определении особенностей личности несовершеннолетних и выявлении их значения для применения норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Во-вторых, требуется осмыслить проблемы, связанные с необходимостью охраны детей от посягательств субъектов, на которых возложены обязанности по их воспитанию и обучению. Это тесно связано с вопросом, не получившим пока должного правового разрешения, а именно: каковы пределы так называемой родительской власти и в каких случаях эти субъекты должны нести уголовную или иную юридическую ответственность за деяния, которые не соответствуют реальным интересам несовершеннолетнего.

В-третьих, отдельное внимание должно быть посвящено уголовно-правовым запретам, содержащимся в гл. 20 УК РФ.

В работе будет использован зарубежный опыт, а именно законодательство, доктрина и судебная практика отдельных штатов США. Это объясняется наличием в них детальной проработки многих актуальных для нашей страны проблем, связанных с воспитанием детей и определением границ родительской власти, которые не зависят от существующих различий между двумя странами.

1. Особенности несовершеннолетних потерпевших

В уголовном праве имеется собственное понимание термина «несовершеннолетний потерпевший» [10, стр. 8], отличное от понятия потерпевшего, которое содержится в ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Хотя различные исследователи предлагают разные определения понятия несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном праве, не вызывает сомнений, что им может быть признано физическое лицо, в том числе не достигшее возраста 18 лет, которому причинен вред (или в отношении которого создана угроза причинения вреда) в результате совершения преступления [10, стр. 9—11].

Особенностями несовершеннолетних потерпевших являются, во-первых, их особая уязвимость и зависимость от взрослых лиц. Именно отсюда вытекает необходимость их повышенной правовой охраны. Из данного правила есть исключения. Так, ст. 106 УК РФ в качестве потерпевшего называет новорожденного ребенка, однако состав преступления является привилегированным, исходя из особенностей специального субъекта и иных обстоятельств. Таким образом, сам по себе несовершеннолетний возраст потерпевшего не во всех случаях предопределяет наличие более строгой ответственности: в ряде ситуаций учитываются дополнительные обстоятельства.

Во-вторых, интересы детей с учетом их возраста определяются родителями, а также лицами, их заменяющими. Данная особенность требует решить вопрос о пределах власти родителей, в частности, о возможности или невозможности использовать те или иные методы воспитания, о том, сколько самостоятельности и в каком возрасте они могут предоставлять

своим детям. Необходимо обеспечить особую охрану несовершеннолетних от злоупотреблений со стороны лиц, призванных действовать в их интересах, а также установить, какие деяния специальных субъектов являются уголовно наказуемыми.

В-третьих, согласно действующему законодательству приоритетным является воспитание несовершеннолетних (детей) в семье (п. 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации). Из этого вытекает еще одна задача государства — обеспечить правовую охрану семьи, оградить ее от произвольного вмешательства со стороны иных лиц, в том числе органов государственной власти.

В-четвертых, несовершеннолетние имеют различный объем прав в зависимости от возраста. Для целей уголовно-правовой охраны этот объем должен быть определен, насколько это возможно, учитывая сложность и неоднозначность изучаемой сферы общественных отношений.

2. Особенности формулирования признаков потерпевшего в разделе VII УК РФ

Несовершеннолетним потерпевшим признается любой потерпевший от рождения до достижения 18 лет.

В литературе отмечаются терминологические неточности при использовании понятия «несовершеннолетний» в отдельных статьях УК РФ. Так, согласно п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ потерпевшая должна быть старше 14 лет, но моложе 18 (учитывая п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ) [13, стр. 83—84].

Более сложные вопросы возникают в связи с различными способами описания признаков несовершеннолетних потерпевших в разных статьях Особенной части УК РФ. В главах раздела VII УК РФ содержатся следующие термины:

- малолетний или иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ);
- несовершеннолетний (п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3, ч. 5 ст. 110.1, ч. 2 ст. 121, ч. 3 ст. 122, п. «б» ч. 2 ст. 127.1, п. «б» ч. 2 ст. 127.2, п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132, ч. 2 ст. 133 УК РФ);
- заведомо несовершеннолетний (п. «г» ч. 2 ст. 117, п. «д» ч. 2 ст. 126, п. «д» ч. 2 ст. 127 УК РФ);
- лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии, которое может иметь место в том числе по причине малолетнего возраста (ч. 2 ст. 120 УК РФ);
- потерпевший, не достигший 14-летнего возраста (п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ).

Статья 125 УК РФ упоминает о малолетстве потерпевшего как об одном из признаков состава, лишающем лицо возможности самостоятельно принять меры к самосохранению.

Как обстоятельство, безусловно влекущее беспомощное состояние в половых преступлениях, оценивается недостижение потерпевшим 12 лет

(примечание к ст. 131 УК РФ). Это неопровергимая презумпция. В более старшем возрасте несовершеннолетний может находиться в беспомощном состоянии, но этот факт уже подлежит доказыванию с учетом возраста и иных обстоятельств (строгого воспитания, отсутствия доступа к сети «Интернет» и т.п.).

Беспомощное состояние в половых преступлениях является криминообразующим, квалифицирующим же признаком выступает признак недостижения определенного возраста (18 или 14 лет).

Криминообразующими признаками преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, являются возраст потерпевшего (менее 16 лет) и возраст субъекта преступления (достижение 18 лет). Квалифицирующий признак — совершение деяния в отношении лица, достигшего 12, но не достигшего 14 лет (ч. 3 ст. 134 УК РФ). Аналогичные криминообразующие и квалифицирующий признаки имеют место в ст. 135 УК РФ.

Глава 19 УК РФ содержит квалифицированный состав нарушения неприкосновенности частной жизни: незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 16-летнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, повлекших причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 137 УК РФ).

Статья 145 УК РФ в числе прочего устанавливает уголовную ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение с работы женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, тем самым косвенно охраняя интересы несовершеннолетнего.

Специфические уголовно-правовые запреты, направленные на охрану несовершеннолетних, которые не вошли в иные главы раздела VII УК РФ, содержатся в гл. 20 УК РФ. Они нуждаются в отдельном анализе.

Рассмотрим подробнее некоторые проблемы, вытекающие из существующих формулировок уголовного закона.

3. Малолетний возраст и беспомощное состояние потерпевшего

Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ были внесены изменения в п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Указание на лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии, было дополнено указанием на малолетний возраст потерпевшего.

Новая формулировка позволила утверждать, что теперь не нужно доказывать беспомощность малолетних потерпевших, поскольку законодатель вывел их «из общего массива лиц, находящихся в беспомощном состоянии» [8].

Согласно позиции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ убийство малолетнего ребенка не должно дополнительно квалифицироваться как убийство заведомо беспомощного лица (п. 26 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г.).

В то же время некоторые суды первой инстанции, а также апелляционные суды вменяют в таких случаях оба признака (малолетний возраст и беспомощное состояние) (см.: приговор Калужского областного суда от 2 марта 2023 г. по делу № УК-2-2/2023 (2-20/2022), судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменений). Поэтому разумно было бы закрепить позицию Верховного Суда РФ в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», пояснив, что в случаях убийства малолетнего лица установление состояния его беспомощности не требуется.

Оживленные дискуссии вызвало принятие примечания к ст. 131 УК РФ (Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ), которое отнесло к насильственным половым преступлениям деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3—5 ст. 134 и ч. 2—4 ст. 135 УК РФ, «совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

Данное примечание дает правопримениителю четкий критерий для определения беспомощного состояния в силу малолетства [3, стр. 50]. В то же время высказываются сомнения, что все подростки в возрасте до 12 лет не могут понимать характера и содержания совершаемых с ними действий: осведомленность малолетних о сексуальных отношениях в последние годы значительно увеличилась в связи с активным использованием интернета, лица от 10 до 14 лет делают искусственное прерывание беременности, многие опережают возрастное развитие [1, стр. 123].

Н. В. Тыдыкова подчеркивает необходимость разделения осознания характера совершаемых действий, т.е. того, что они носят сексуальный характер (направленность на удовлетворение половой потребности, иные существенные черты), и осознания их значения, т.е. «социального и нравственного, правового значения, а также значения совершаемых действий для своей личности» [16]. Возрастная незрелость в любом случае не позволяет правильно осознавать значение совершаемых действий, что наиболее убедительно обосновывает правильность введения в закон анализируемой нормы.

В литературе указывается на существенную проблему, которая возникла при уголовно-правовой оценке бесконтактных развратных действий в отношении лиц, не достигших 12 лет. Ответственность за данные деяния теперь наступает по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, которая «содержит слишком суююю санкцию, не адекватную опасности оцениваемых действий» [18,

стр. 89]. Стоит согласиться с А. А. Бимбиноым, который предлагает внести изменения в ст. 135 УК РФ таким образом, чтобы по ней квалифицировались «исключительно бесконтактные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, что позволит исключить указание на данную статью в примечании к статье 131 УК РФ» [2, стр. 65].

4. Заведомость и возраст несовершеннолетнего потерпевшего

Ряд уголовно-правовых запретов по-прежнему содержат понятие «заведомо несовершеннолетний», в то время как из других статей Особенной части УК РФ указание на заведомость исключено.

А. И. Рарог определяет заведомость как способ указания в законе на то, что субъект достоверно знал о тех или иных обстоятельствах [14, стр. 50]. Н. В. Тыдыкова, опираясь за запрет объективного вменения, подчеркивает: «указание в тексте каждой статьи Особенной части УК РФ на заведомость знания виновным о возрасте потерпевшего не является обязательным. Однако во всех случаях этот признак подлежит установлению» [15, стр. 75].

Обоснована позиция Г. А. Есакова, который пишет о том, что «оттенки знания о возрасте потерпевшего лица могут различаться... То есть возраст потерпевшего лица может входить в структуру интеллектуального элемента умысла в виде знания, предположения, допущения и т.п. вариантов» [7, стр. 16]. Автор в этом вопросе поддерживает позицию В. Н. Кудрявцева со ссылкой на Б. С. Никифорова. Наличие умысла не исключается при сомнениях лица, если соответствующие обстоятельства рассматриваются им как возможные. Если же субъект добросовестно заблуждается, исключая наличие указанного в законе обстоятельства, то вменение квалифицирующего признака невозможно [7, стр. 16].

А. И. Рарог, напротив, полагает, что все квалифицирующие обстоятельства, характеризующие объект или объективную сторону содеянного, кроме последствий, могут быть вменены субъекту, только если ему было о них известно [14, стр. 140].

В п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» поясняется, «что квалификация преступлений по соответствующим признакам (к примеру, по п. “а” ч. 3 ст. 131 УК РФ) возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее 18 лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ».

Таким образом, исключение указания на заведомость не привело к тому, что субъект может быть привлечен к уголовной ответственности без виновного отношения к данном признаку. Это подчеркнуто, в частности, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 3-О11-2. Представляется совершенно недопусти-

мым нарушение принципа вины даже для усиления охраны половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

5. Пределы власти родителей

Ряд проблем связан с оценкой пределов так называемой родительской власти, которая используется для поддержания дисциплины и воспитания ребенка. Прежде всего речь идет о физической силе.

Следует разграничить две цели применения силы, а именно: сдерживание и наказание. Подобное разграничение проводится в зарубежном законодательстве, в частности в § 9A.16.100 раздела 9A «Уголовный кодекс» Свода законов штата Вашингтон [URL: <https://law.justia.com/codes/washington/title-9a/chapter-9a-16/section-9a-16-100/> (дата обращения: 6 июня 2025 г.)].

Сдерживание от поведения, которое причиняет либо может причинить вред самому ребенку или иным лицам, является правомерной целью применения родителем или иным специальным субъектом минимально необходимой физической силы к ребенку. Такое сдерживание не является наказанием.

По вопросу о телесных наказаниях, исследователи ссылаются на Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г., которая прямо не запрещает применение физической силы с целью наказания, и Замечание общего порядка 8, согласно которому такое наказание «противоречит равным и неотъемлемым правам детей на уважение их человеческого достоинства и физической неприкосновенности».

Однако представляется, что вопрос о допустимости или недопустимости телесных наказаний в России необходимо обсуждать с привлечением более широкого круга источников. При этом можно обосновывать допустимость лишь таких мер, как обычные шлепки, которые причинили лишь физическую боль или оставили незначительные отметины на теле ребенка, и только в том случае, если такие меры применяются в качестве ответа на нарушение правил поведения.

Опыт штатов США применительно к данному вопросу особенно интересен тем, что Конвенция ООН о правах ребенка данным государством не ратифицирована. В отдельных штатах США признается право родителей на осуществление своей власти в форме телесных наказаний, однако возможность их применения жестко ограничена.

Обратимся к критериям допустимых телесных наказаний, подробно описанным в законодательстве и решениях судов штатов США. Так, в законодательстве штата Флорида указывается на разумность и неизбыточность наказаний. В качестве жестокого обращения с ребенком телесные наказания не оцениваются, если они не причиняют ему вреда. Законом закреплен перечень воздействий, которые недопустимы во всех случаях, в частности, нанесение ребенку режущих ран (§ 39.01 гл. 39 Свода законов штата Флорида).

Верховный суд штата Флорида в принципе считает обычные шлепки допустимым наказанием, в то же время он указывает на недопустимость применения физической силы, если ребенок противодействовал неправомерному поведению (пытался защитить мать от ударов со стороны отчима) — дела *Raford vs State* (2002) и *Hall vs State* (2018) [URL: <https://www.roelkelaw.com/practice-areas/criminal-defense/domestic-violence/child-abuse-neglect/> (дата обращения: 6 июня 2025 г.)].

В России с формальной точки зрения обычные шлепки можно отнести к побоям, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), а при совершении деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, или лицом, имеющим судимость за преступление с применением насилия, — ст. 116.1 УК РФ. В то же время данные нормы никак не учитывают специальную воспитательную цель подобных действий.

Можно поднять вопрос о малозначительности таких деяний согласно ст. 2.9 КоАП РФ и ч. 2 ст. 14 УК РФ. Применительно к последней норме В. Н. Винокуров указывает: «в теории выделяют два вида малозначительности деяния: во-первых, когда совершенное деяние является административным правонарушением и, во-вторых, когда совершенное деяние не является административным правонарушением». По мнению автора, нормы УК РФ о малозначительности относятся именно к последним [6, стр. 75]. Однако волнообразное увеличение составов преступлений с административной преюдицией ставит вопрос о необходимости более широкого подхода к данному вопросу.

Абзац 3 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», требует учитывать при признании деяния малозначительным характер совершенного правонарушения и роль правонарушителя, размер вреда и тяжесть наступивших последствий.

Так, постановлением Верховного Суда РФ от 29 августа 2022 г. № 35-АД22-5-К2 оставлены без изменения судебные акты, вынесенные в отношении С. Последний в ходе конфликта на почве личных неприязненных отношений нанес один удар ногой З. в область левой руки, причинивший тому физическую боль. Данное деяние (ст. 6.1.1 КоАП РФ) было признано мировым судьей малозначительным. С этим согласились вышестоящие инстанции.

В литературе приводится следующий пример признания деяния малозначительным по УК РФ, который имел место до частичной декриминализации побоев. 31 марта 2014 г. К. один раз ударила свою дочь по лицу. Деяние квалифицировано по ч. 1 ст. 116 УК РФ (в редакции на момент совершения деяния), поскольку кроме кровоподтека и ссадин никаких повреждений на коже потерпевшей не осталось. К. освобождена от уголовной

ответственности в связи с примирением с потерпевшей. Решение было отменено Верховным судом Республики Хакасия, применившим нормы о малозначительности, поскольку К. совершила деяние впервые в отношении дочери с воспитательной целью после очередного прогула ей занятий в школе (постановление президиума Верховного суда Республики Хакасия от 25 декабря 2014 г. по делу № 44У-72/2014). В. В. Хилюта пишет: противоправное деяние иногда имеет общественно полезную цель, что может указывать на его малозначительность [17, стр. 56—57].

Учитывая специальную цель (воспитание), которую преследуют обычные шлепки, представляется, что данные деяния должны рассматриваться как малозначительные.

Отдельные вопросы, связанные с осуществлением родительской власти, успешно разрешены в российской уголовно-правовой доктрине и судебной практике. Так, признается, что не являются похищением ребенка действия родителя, перемещающего собственного ребенка вопреки воле другого родителя, а также действия, «когда родственники “похищают” ребенка у родителей, поведение которых создает угрозу для его жизни, здоровья, правильного формирования личности» [8; 9]. При этом возраст ребенка не уточняется, подобные вопросы разрешаются *ad hoc*.

Законодатель устанавливает возраст несовершеннолетнего, с которого разрешается самостоятельная реализация некоторых важных прав, в частности, возраст согласия на половое сношение и иные действия сексуального характера — 16 лет (ст. 134 УК РФ). При этом к уголовной ответственности за соответствующее деяние с лицом до 16 лет может быть привлечено лишь лицо старше 18 лет, а лицо, не достигшее возраста согласия, никакой ответственности не несет.

Часть 2 ст. 54 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает, что несовершеннолетние в возрасте старше 15 лет или больные наркоманией несовершеннолетние в возрасте старше 16 лет имеют право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него. Это напрямую влияет на применение уголовного закона, в частности, при решении вопроса, могла ли несовершеннолетняя дать юридически значимое согласие на прерывание беременности (такое согласие — один из важнейших критериев разграничения ст. 111 и ст. 123 УК РФ).

Другие значимые вопросы, связанные с реализацией прав несовершеннолетних, в законе не решены. С одной стороны, это может быть обосновано сложностью регулирования сферы рассматриваемых отношений, с другой — представляется, что вопросы о свободе передвижения (и как следствие — о праве родителей ограничить свободу ребенка, например, заперев его в комнате в качестве меры наказания или сдерживания от вредного поведения), тайне переписки, праве на охрану частной жизни несовершеннолетних, в особенности если субъектом нарушения (или пра-

вомерного осуществления власти?) являются родители или лица, их заменяющие, должны стать предметом научной разработки.

Вопрос о пределах родительской власти связан не только с применением силы и вмешательством родителей в жизнь детей, но и с правом родителей воспитывать в детях самостоятельность. Ребенок должен постепенно приучаться к выполнению различных действий, в том числе без присмотра и помощи взрослых.

Отметим, что ст. 151.2 УК РФ запрещает склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни. К уголовной ответственности за данное деяние может быть привлечено лицо, достигшее 18 лет. Однако в статье содержится важное указание на противоправность таких опасных действий.

В российской доктрине более высокий уровень самостоятельности связывается с достижением школьного возраста (около 7 лет). О. О. Борисова полагает, что такие дети могут, в частности, самостоятельно добираться до дома из школы [4, стр. 88—89]. Если признать эту позицию обоснованной, следует сделать вывод, что родителей нельзя привлекать к уголовной ответственности, если ребенок по дороге оказался в опасной ситуации или ему был причинен вред (ст. 109, 118, 125 УК РФ). Также родители не должны привлекаться к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35, ст. 20.22 КоАП РФ.

Однако возможность действовать самостоятельно может быть представлена ребенку лишь после того, как родители обучат его правилам безопасности, придут к выводу, что он достаточно зрелый для совершения указанных действий, учтут, насколько безопасны квартира, дорога до дома и т.п. В реальности оценить подобные усилия родителей крайне сложно, тем более что даже самые послушные дети могут нарушить запреты либо просто проявить невнимательность.

На настоящий момент каждая спорная ситуация разрешается на усмотрение правоприменителя, что нельзя признать правильным. Представляется, что ряд проблемных вопросов может быть разрешен на законодательном уровне (в частности, установлен возраст, с которого родители могут разрешить ребенку добираться из школы домой самостоятельно), иные проблемы могут быть освещены в официальных рекомендациях органов власти, как это сделано в отдельных штатах США [12, стр. 63—72]. Такие рекомендации способны дать ориентир как родителям, так и правоприменителю, позволяя учесть различные обстоятельства жизни разных семей.

6. Значение главы 20 УК РФ для уголовно-правовой охраны несовершеннолетних потерпевших

Глава 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» в некоторой степени играет вспомогательную роль в деле охраны несовер-

шеннолетних потерпевших, поскольку аккумулирует уголовно-правовые запреты, не вошедшие в иные главы.

В частности, цель ст. 150—151.2 УК РФ — предотвратить вовлечение лиц, не достигших 18 лет, в совершение преступлений, иных антисоциальных, вредных и опасных действий. Статьи 154 и 155 УК РФ направлены на охрану как прав детей, которые остались без попечения родителей, так и прав усыновителей и иных лиц, желающих заботиться о таких детях на законных основаниях.

Статья 156 УК РФ устанавливает оценочное уголовно-правовое понятие жестокого обращения с ребенком, расширяя уголовно-правовую охрану несовершеннолетних, поскольку данный запрет не требует каких-либо последствий для ребенка или обязательного причинения физической боли. Жестокое обращение может иметь место как при совершении систематических действий, так и при совершении однократного деяния, которое свидетельствует о жестокости. Это отличает данный уголовно-правовой запрет от истязания (ст. 117 УК РФ), объективная сторона которого предполагает совершение только систематических действий. При этом за истязание заведомо несовершеннолетнего предусмотрено значительно более строгое максимальное наказание (лишение свободы на срок до семи лет по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ), чем за деяние, предусмотренное ст. 156 УК РФ (лишение свободы на срок до трех лет).

Однако сфера действия ст. 156 УК РФ одновременно является более узкой, так как субъект данного деяния специальный: родители, иные лица, на которых возложены обязанности по воспитанию, педагогический или другой работник образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Изучение уголовного законодательства штатов США позволяет выявить интересную особенность: необеспечение защиты несовершеннолетнего от посягательств со стороны третьих лиц во многих штатах влечет уголовную ответственность. Подобные деяния могут оцениваться как неисполнение родительских обязанностей, поставление в опасность либо в качестве отдельного уголовно наказуемого деяния [11, стр. 1018—1020]. При этом зачастую наблюдается избыточное применение указанной нормы, в основном в отношении матерей, имеющих агрессивных сожителей или супругов, даже если сами матери стали жертвами домашнего насилия. В отдельных случаях суды усматривают состав преступления, даже если к ребенку никакого насилия не применялось [19, стр. 434, 442—444] [20, стр. 694, 706]. Указанное положение дел нельзя признать справедливым.

В нашей стране ответственность за оставление ребенка в опасности может наступать только при наличии реальной опасности для ребенка, т.е. если он был оставлен с лицом, которое применяло насилие именно к нему. При этом вряд ли можно говорить о наличии состава преступления, если ребенок остается с одним из родителей, не лишенным родительских прав

или не ограниченным в них. Само по себе бездействие родителей или иных специальных субъектов, которые не могут защитить ребенка от насилия со стороны третьего лица, не является преступлением.

Выводы

Особенности уголовно-правовой охраны несовершеннолетних потерпевших предопределяются особенностями их личности, значение которых должно быть объяснено для каждого уголовно-правового запрета и выражено в корректной формулировке уголовно-правовой нормы (как правило, речь идет о квалифицирующих признаках того или иного состава преступления).

В настоящее время имеют место неточности формулировок, связанных с описанием признаков несовершеннолетних потерпевших в преступлениях против личности. Кроме того, законодатель использует множество квалифицирующих признаков, различающихся по объему.

В ряде случаев очевидно отсутствие системного подхода. В отношении убийства малолетнего Пленуму Верховного Суда РФ следует дополнительно разъяснить, что в таком случае не требуется устанавливать признак беспомощности. Следует полностью отказаться от признака заведомости в отношении несовершеннолетнего возраста потерпевшего в гл. 16, 17, 18 УК РФ. Это не означает, что соответствующий признак не должен охватываться умыслом виновного.

Более подробное разделение несовершеннолетних потерпевших от половых преступлений на возрастные группы обосновано особенностями данных деяний. Однако и в гл. 18 УК РФ остаются весьма спорные нормы, позволяющие признать бесконтактные развратные действия, совершенные в отношении лиц, не достигших 12 лет, насильственными половыми преступлениями. Законодателю следует исправить указанную ситуацию.

Дополнение гл. 19 УК РФ теми или иными квалифицирующими признаками возможно после отдельного анализа общественной опасности различных преступлений против конституционных прав и свобод, совершенных против несовершеннолетних. На данный момент, квалифицирующие признаки, связанные с возрастом потерпевшего, в данной главе фактически отсутствуют.

Обеспечение адекватной уголовно-правовой охраны несовершеннолетних потерпевших требует определение границ так называемой родительской власти. Некоторые деяния следует оценивать как малозначительные. Родители вправе приучать ребенка к самостоятельности с учетом его возраста, степени зрелости и усвоения им правил безопасности, что не должно расцениваться как неправомерное деяние.

Глава 20 УК РФ дополняет систему норм, направленных на уголовно-правовую охрану несовершеннолетних потерпевших, в том числе в ст. 156 УК РФ устанавливается понятие жестокого обращения с несовершеннолетним со стороны специальных субъектов.

Список источников

1. Барышева, К. А. Коллизии определения наличия признака беспомощности потерпевшего в некоторых составах преступлений / К. А. Барышева // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 4. — С. 118—128.
2. Бимбинов, А. А. Актуальные проблемы уголовного законодательства о ненасильственных половых преступлениях / А. А. Бимбинов // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 5. — С. 60—70.
3. Бимбинов, А. А. Ненасильственные половые преступления / А. А. Бимбинов. — Москва : Проспект, 2023. — 160 с.
4. Борисова, О. О. Особенности квалификации оставления в опасности детей: проблемные вопросы теории и практики / О. О. Борисова // Российский правовой журнал. — 2021. — № 3 (8). — С. 88—92.
5. Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. — 467 с.
6. Винокуров, В. Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы / В. Н. Винокуров // Журнал российского права. — 2014. — № 4. — С. 74—83.
7. Есаков, Г. А. Осознание возраста потерпевшего лица в половых преступлениях: позиция судебной практики / Г. А. Есаков // Уголовное право. — 2011. — № 6. — С. 15—17.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 2 т. / Под ред. А. В. Бриллиантива. (постатейный). — 2-е изд. — Том 1. — Москва : Проспект, 2015. (СПС «КонсультантПлюс»).
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под редакцией Г. А. Есакова. — 9-е изд. — Москва : Проспект, 2021. (СПС «КонсультантПлюс»).
10. Мартыненко, Н. Э. Уголовно-правовое положение потерпевшего / Н. Э. Мартыненко // Труды Академии управления МВД России. — 2011. — № 2 (18). — С. 7—11.
11. Нагорная, И. И. Уголовная ответственность за преступления против детей в США / И. И. Нагорная // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2023. — Том 27. — № 4. — С. 1007—1027.
12. Нагорная, И. И. Уголовно-правовая оценка оставления в опасности ребенка родителями (ст. 125 УК РФ) / И. И. Нагорная // Законодательство. — 2024. — № 2. — С. 63—72.
13. Прозументов, Л. М. О некорректности определения понятия «несовершеннолетний» в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации / Л. М. Прозументов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2017. — № 24. — С. 80—85.
14. Рарог, А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. — Москва : Проспект, 2015.
15. Тыдыкова, Н. В. О недостатках конструкций норм, предусмотренных ст. 240.1 и 241 УК РФ / Н. В. Тыдыкова // Российско-Азиатский правовой журнал. — 2023. — № 4. — С. 73—76.
16. Тыдыкова Н. В. О некоторых проблемах установления беспомощного состояния потерпевших в насилиственных половых преступлениях / Н. В. Тыдыкова // Уголовное право. — 2023. — № 9. (СПС «КонсультантПлюс»).
17. Хилюта, В. В. Установление признаков малозначительности деяния / В. В. Хилюта // Уголовное право. — 2024. — № 5. — С. 52—61.
18. Энгельгардт, А. А. Система половых преступлений (в контексте примечания к статье 131 УК РФ) / А. А. Энгельгардт // Lex Russica. — 2017. — № 12. — С. 84—93.

19. Mahoney, A. How Failure to Protect Laws Punish the Vulnerable / A. Mahoney // Health Matrix: The Journal of Law-Medicine. — 2019. — Vol. 29. — № 1. — P. 429—461.
20. Stanziani, M. The Failure of all Mothers or the Mother of all Failures? Juror Perceptions of Failure to Protect Laws / M. Stanziani, J. Cox // Journal of Interpersonal Violence. — 2021. — Vol. 36. — № 1-2. — P. 690—711.

References

1. Barysheva, K. A. Kollizii opredeleniya nalichiya priznaka bespomoshchnosti poterpevshego v nekotorykh sostavakh prestupleniy [Collisions in determining the presence of the sign of helplessness of the victim in some crimes] / K. A. Barysheva // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2016. — № 4. — S. 118—128.
2. Bimbinov, A. A. Aktual'nyye problemy ugolovnogo zakonodatel'stva o nenasil'stvennykh polovykh prestupleniyakh [Actual problems of criminal legislation on non-violent sexual offenses] / A. A. Bimbinov // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. — 2016. — № 5. — S. 60—70.
3. Bimbinov, A. A. Nenasil'stvennyye polovyye prestupleniya [Non-violent sexual offenses] / A. A. Bimbinov. — Moskva : Prospekt, 2023. — 160 s.
4. Borisova, O. O. Osobennosti kvalifikatsii ostavleniya v opasnosti detey: problemnyye voprosy teorii i praktiki [Features of qualification of abandonment of children in danger: problematic issues of theory and practice] / O. O. Borisova // Rossiyskiy pravovoy zhurnal. — 2021. — № 3 (8). — S. 88—92.
5. Borodin, S. V. Prestupleniya protiv zhizni [Crimes against life] / S. V. Borodin. — Sankt-Peterburg : Juridicheskiy tsentr Press, 2003. — 467 s.
6. Vinokurov, V. N. Maloznachitel'nost' deyaniya v ugolovnom prave: priznaki i formy [Insignificance of an act in criminal law: features and forms] / V. N. Vinokurov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2014. — № 4. — S. 74—83.
7. Yesakov, G. A. Osoznanije vozrasta poterpevshego litsa v polovykh prestupleniyakh: pozitsiya sudebnoy praktiki [Awareness of the age of the victim in sexual crimes: the position of judicial practice] / G. A. Yesakov // Ugolovnoye pravo. — 2011. — № 6. — S. 15—17.
8. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF: v 2 t. [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 volumes] / Pod red. A. V. Brilliantova. (postateyny). — 2-ye izd. — Tom 1. — Moskva : Prospekt, 2015. (SPS «Konsul'tantPlyus»).
9. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation] / pod redaktsiyey G. A. Yesakova. — 9-ye izd. — Moskva : Prospekt, 2021. (SPS «Konsul'tantPlyus»).
10. Martynenko, N. E. Ugolovno-pravovoye polozheniye poterpevshego [Criminal-legal status of the victim] / N. E. Martynenko // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2011. — № 2 (18). — S. 7-11.
11. Nagornaya, I. I. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv detey v SSHA [Criminal liability for crimes against children in the USA] / I. I. Nagornaya // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Juridicheskiye nauki. — 2023. — Tom 27. — № 4. — S. 1007—1027.
12. Nagornaya, I. I. Ugolovno-pravovaya otsenka ostavleniya v opasnosti rebenka roditelyami (st. 125 UK RF) [Criminal-legal assessment of abandonment of a child in danger by parents (Article 125 of the Criminal Code of the Russian Federation)] / I. I. Nagornaya // Zakonodatel'stvo. — 2024. — № 2. — S. 63—72.
13. Prozumentov, L. M. O nekorrektnosti opredeleniya ponyatiya «nesovershenoletniy» v tekste Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [On the inaccuracy of the definition of the term “juvenile” in the text of the Criminal Code of the Russian

- Federation] / L. M. Prozumentov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2017. — № 24. — S. 80—85.
14. Rarog, A. I. Problemy kvalifikatsii prestupleniy po sub"yektivnym priznakam [Problems of qualification of crimes based on subjective features] / A. I. Rarog. — Moskva : Prospekt, 2015.
 15. Tydykova, N. V. O nedostatkakh konstruktsiy norm, predusmotrennykh st. 240.1 i 241 UK RF [On the shortcomings of the constructions of the norms provided for by Articles 240.1 and 241 of the Criminal Code of the Russian Federation] / N. V. Tydykova // Rossiysko-Aziatskiy pravovoy zhurnal. — 2023. — № 4. — S. 73—76.
 16. Tydykova N. V. O nekotorykh problemakh ustanovleniya bespomoshchnogo sostoyaniya poterpevshikh v nasil'stvennykh polovykh prestupleniyakh [On some problems of establishing the helpless state of victims in violent sexual crimes] / N. V. Tydykova // Ugolovnoye pravo. — 2023. — № 9. (SPS «Konsul'tantPlyus»).
 17. Khilyuta, V. V. Ustanovleniye priznakov maloznachitel'nosti deyaniya [Establishing signs of insignificance of an act] / V. V. Khilyuta // Ugolovnoye pravo. — 2024. — № 5. — S. 52—61.
 18. Engel'gardt, A. A. Sistema polovykh prestupleniy (v kontekste primechaniya k stat'ye 131 UK RF) [The system of sexual crimes (in the context of the note to Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation)] / A. A. Engel'gardt // Lex Russica. — 2017. — № 12. — S. 84—93.
 19. Mahoney, A. How failure to protect laws punish the vulnerable / A. Mahoney // Health Matrix: The Journal of Law-Medicine. — 2019. — Vol. 29. — № 1. — P. 429—461.
 20. Stanziani, M. The failure of all mothers or the mother of all failures? Juror perceptions of failure to protect laws / M. Stanziani, J. Cox // Journal of Interpersonal Violence. — 2021. — Vol. 36. — № 1-2. — P. 690—711.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Научная статья

УДК 340.5

Эволюция информации как объекта права

Цветков Виктор Яковлевич,
доктор технических наук, профессор,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Российская Федерация

Аннотация. Существует информационное право. Но что такое «информация» как объект права, до сих пор не исследовано. Это обусловлено не только полисемией информации, но и неправильным обозначением этим термином изменения информационной неопределенности. Статья исследует исторические корни возникновения термина информация и указывает неточность в энциклопедии «Британик». Отмечена также неточность применения термина «информация» для обозначения информационной неопределенности, а также термина «количество информации» для обозначения информационного объема, а не содержания информации. Показан срок появления информации как объекта права.

Ключевые слова: информация; право; эволюция; объект права; морфология; семантика; сущность; форма.

Для цитирования: Цветков В. Я. Эволюция информации как объекта права // Вестник Юридического института МИИТ. 2025. № 4 (52). С. 39–47.

INFORMATION LAW

Original article

The evolution of information as an object of law

Viktor Ya. Tsvetkov,
Doctor of Technical Sciences, professor,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. There is an information law, but what constitutes “information” as a legal object remains unexplored. This is due not only to the polysemy of information but also to the incorrect use of this term to denote changes in informational uncertainty. The current paper has studied the historical origins of the term “information” and found out an inaccuracy in the Encyclopedia Britannica. There has been determined an inaccuracy of using the term “information” to denote informational uncertainty, as well as the term “quantity of information” to denote informational volume rather than informational content. There has been shown a timeline for the emergence of information as a legal object.

Keywords: information; law; evolution; object of law; morphology; semantics; essence; form.

For citation: Tsvetkov V. Ya. The evolution of information as an object of law// Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2025; (4(52)):39–47.

© Цветков В. Я., 2025

Объект права должен иметь четкую форму и содержание, исключающее двусмысленность его толкования и восприятия. Восприятие связывают с формой, содержание с семантикой. С этих позиций проанализируем термин «информация».

Многие термины эволюционируют с течением времени в смысле изменения уточнения или расширения объема понятия. При этом необходимо учитывать противоречие «Закона обратного отношения между объемом и содержанием понятия». Большой объем понятия сужает содержание. Меньший объем понятия обогащает (расширяет) содержание. Поэтому уточнение понятия сужает его объем. Обобщение компонент понятия расширяет объем. Чем более широкий объем понятия, тем он более абстрактен и дальше от реальности. Чем более определенный объем понятия, тем ближе он к реальности. Таким образом понятие и его дефиниция находятся на диахроматической шкале «абстракция—реальность». В «ловушку» универсального описания «всего» попадают многие ученые в попытке дать универсальное описание всего, включая разные объекты.

Следует сделать два замечания. Древние греки хорошо знали и использовали логику и не использовали во многих случаях алгебру. Например, древнегреческий математик Диофан с помощью слов доказывает теорему Пифагора на 20 страницах текста, в то время как в учебниках с помощью формул и графики она доказывается не более чем на одной странице. Недостатком длительных текстовых рассуждений является то, что при появлении некой неточности в начале или в середине рассуждений она переносится на последующие рассуждения и приводит к еще большим неточностям или ошибкам. Поэтому близкая к формальной логике алгебра победила такие текстовые рассуждения. Также следует отметить, что в СССР «Категории» Аристотеля [1] использовались в усеченном дореволюцион-

ном варианте. Следовательно, в некоторых спорных случаях необходимо обращаться к английской версии [2].

Для развития науки характерна дифференциация. Появляется разнообразное применение термина, что создает полисемию. Появляются новые области применения термина «информация». Для его толкования в разных областях используют интерпретации. В разных областях термин интерпретируется по-разному. Это обуславливает полисемию понятий. Полисемический термин описывает несколько понятий и в общем имеет большой объем понятия. В одних случаях полисемические понятия перекрываются (обзор литературы, обзор местности), в других не пересекаются (лук расстяжение, лук для стрельбы). Для исключения полисемии применяют контекст и лингвистический анализ.

Попытку дать описание сущности связывают с трудом Аристотеля «Категория». Некоторые исследователи полагают, что работу «Категории» Аристотель писал с другого первоисточника, поскольку между ней и другой его работой «Метафизика» [3] наблюдают определенные противоречия в рассуждениях. В работе «Категории» Аристотель дает общее описание сущности. Оно охватывает и человека, и физический объект, нравственные категории, и атрибуты. С позиции права он пытается одним понятием описать объект права, субъект права и правоотношения. Это неприемлемо. Поэтому его рассуждения требуют детального анализа и дифференциации для исключения смешивания разных сущностей.

В Древней Греции и Древнем Риме термин «информация» отсутствовал в его современном понимании. Современное понятие информации обобщенно трактуют как сведения. В Греции и Древнем Риме для этого использовали термин «Нотиция» (нотация). Слово «информация» включает корень «форм» (*form*), который связан с понятием формы. Это служит началом анализа.

В метафизике [3] имеется несколько фраз на эту тему. Книга 1 глава 4 «начал имеется три: форма, лишенность [формы] и материя». Книга 11 глава 3 можно толковать, что форма есть образ. Книга 7 глава 3 «... надо точно определить, что в наибольшей мере считается сущностью (первый субстрат). Такой субстрат в одном смысле обозначается материя, в другом — форма (*morphe*) и в третьем — то, что из них состоит. Под материей я же разумею, например, медь; под формой — очертание — образ (*schema tes ideas*); под тем, что состоит из обоих, — изваяние как целое. Так что если форма (*eidos*) первое материи и есть сущее в большей мере, она на том же основании первое и того, что состоит из того и другого».

Аристотель использует понятие морфологии и «эйдоса» для обозначения формы. В античной философии «эйдос» обозначал «конкретную явленность, данную визуально». При этом возникает контекст, что есть нечто («лишенность формы» [3]) не видимое, но существенное. Подводя итог, можно констатировать, что существуют два важных начала — форма (*form*) [верхушка айсберга] и то, что в форме (*in form*) [содержание]. Как

замечает сам Аристотель, *in form* значительно содержательнее, чем форма, и играет главную роль описания сущности.

При переходе к современной теории можно говорить о морфологии и семантике. Морфология соответствует понятию форма (*form*), семантика соответствует *in form* (а позже стали писать слитно *inform*). То есть сущность содержания соответствует *in form*.

Энциклопедия «Британик» (2007) [4] утверждает, что термин «информация» возник в IX в. и имеет латинские корни. Из латинского он перешел во французский. Из французского этот термин перешел в английский. На наш взгляд, это утверждение неточно. Из работ Аристотеля он перешел в латинский и потом стал эволюционировать. Ниже приведены таблицы соответствия для терминов, связанных с информацией на разных языках.

В табл. 1 приведены термины в латинских языках, связанные с информацией.

Таблица 1

Сравнение информационных терминов на трех языках

Русский	Латынь	Итал.	Исп.
Информация	Notitia Indicium Informationem Informationes	Informazioni Dati	Información
Данные	Data Notitia	Dati	Datos Información
Сведения	Notitia	Dati	Datos
Факты	Facta Rerum Rebus	fatti Dati	Hechos Datos nformación
Информировать	Informare Certiores	Informare	Informar
Передавать сведения	Transmittere notitia	Trasmettere le informazioni	Transmitir información
Форма	Forma	Forma	Forma
Внешняя форма	Forma	Forma esterna	Forma externa
Внутренняя форма	interno forma	forma interna	forma interna
Неформальный	Tacitae Senatus Temere	Informale	Informal

В табл. 2 даны те же термины, связанные с информацией, на французском и английском языках.

Таблица 2

Сравнение некоторых терминов, связанных с информацией

Русский	Латынь	Франц.	Англ.
Информация	Notitia Indicium Informationem Informationes	Information Renseignements Informations L'information	Information
Данные	Data Notitia	Données Des données	Data
Сведения	Notitia	Données	Data
Факты	Facta Rerum Rebus	Faits	Facts
Информировать	Informare Certiorum	Informer	Inform
Передавать сведения	Transmittere notitia	Transmettre de l'information	Transmit information
Форма	Forma	Forme	Form
Внешняя форма	Forma	Forme extérieure	External form
Внутренняя форма	Interno forma	Forme interne	The internal form The inner form
Неформальный	Tacitae Senatus Temere	Informel	Informal

Таблицы 1, 2 отражают процесс эволюции термина «информация» из латинского в английский язык.

В табл. 1 и 2 существует совпадение термина «форма» и термина «информировать» на всех языках. Кроме того, имеет место совпадение термина «форма» и «внешняя форма» на латинском языке.

Объяснение этому дает Аристотель [3]: «формой я называю суть бытия каждой вещи и ее первую сущность», «то, что обозначено как форма или сущность, не возникает, а возникает сочетание, получающее от нее свое наименование, и что во всем возникающем есть материя, так что одно [в нем] есть материя, а другое — форма» [3].

Форма по Аристотелю есть внешнее проявление сущности объекта, включая объект права. В понимании Аристотеля форма (*form*) содержит сведения о внешних свойствах объектов и их сущностей. В современном понимании «информация» есть носитель сведений. Это сближает «форму Аристотеля» и современную информацию.

В табл. 1 и 2 следует отметить различие термина «внешняя форма» на латинском и других языках. На латинском языке отсутствует различие между формой и внешней формой, поскольку форма и есть внешнее проявление. То есть «форма по Аристотелю» есть аналог современного тер-

мина «информация», которая содержит сведения о внешних и внутренних качествах объекта.

При сравнении различия объектов применяют категорию «противоположность». Аристотель пишет, что «противоположности относятся к тому, что тождественно или по виду, или по роду» [1—3]. Отсюда следует, что для внешней формы (*form*) существует ее противоположность — внутренняя форма (*inform*). По содержанию *inform* намного богаче как скрытая часть айсберга, превосходящая его видимую часть.

В таблицах имеется сходство термина «внутренняя форма» во всех языках. Таким образом, если форма, как внешняя форма, несет сведения о внешних свойствах объектов и явлений, то ее противоположность — внутренняя форма несет сведения о внутренних (скрытых или дополнительных) свойствах объектов и явлений

Аристотель говорит [3]: «формой я называю суть бытия каждой вещи и ее первую (внешнюю авт) сущность». Следовательно, существует и вторая сущность, которую можно обозначить как внутренняя сущность.

Словообразование второй сущности вытекает из составного термина «внутренняя форма» и описывается простой парадигмой:

$$\textit{interno form}a \rightarrow \textit{inform}a.$$

Отсюда вытекает значение термина *informationem* — описание внутренней сущности объектов и явлений (семантика), которая дополняет внешнюю сущность (морфология) и в совокупности дает целостное описание объектов и явлений.

В табл. 1 и 2 следует отметить различие термина «неформальный» в латыни и других языках. Также существует различие термина «передавать сведения» на латинском языке и других языках

Это может свидетельствовать о том, что термин «информация», появившийся в других языках более чем через 12 веков после работ Аристотеля, есть более общее понятие, чем в латыни. Из этого следует гипотеза [5], что термин «сведения» (*notitia*, IV до н.э.) был более общим по отношению к термину «информация», которого в то время не существовало. С течением времени произошла эволюционная инверсия. Термин «информация» стал более общим по отношению к термину «сведения» (*notitia*). Со звучное слово в русском «нотация» — запись, сведения.

Отсюда следует, что «сведения» (*notitia*, IV до н.э.) включали описание первой, второй и прочих «сущностей». В настоящее время эти функции выполняет термин «информация».

Согласно Аристотелю [1; 3] сущность отвечает на вопрос: «Что есть вещь?» Раскрывая сущность объекта (права) как одну из категорий, исследователь получает понятие вещи. Остальные девять категорий отвечают на вопрос: «Каковы свойства вещи?» — и определяют признаки, свойства вещи, ее атрибуты. Все остальные категории — качество, количество, от-

ношения, место, время, действия, страдания, состояния, обладания — относятся с объектом права через категорию сущности. Данные рассуждения дают возможность трактовать термин «информация» следующим образом: информация — содержательное описание внешних (морфология) и внутренних (семантика) сущностей объектов, включая объекты права.

Следует отметить негативное влияние работы К. Э. Шеннона «Математическая теория коммуникаций» [6] на информационные науки и понимание информации. Примерно через 20 лет после опубликование эти идеи стали называть «теорией информации». Это подхватили математики, не знающие физику, и некоторые гуманитарии, которым было приятно через простую теорию объяснять сложное явление.

Шенон не ставил задачу писать теорию информации. Он занимался связью и коммуникациями (сообщениями). Его принципиальная постановка задачи состояла в том, что получатель сообщения находится в состоянии «информационной неопределенности». Это состояние Шенон оценивает как энтропию. После получения сообщения (а не информации) состояние получателя, его энтропия и информационная неопределенность меняются. По разнице энтропии до получения и после получения сообщения оценивается количество информации сообщения. Фактически это оценка уменьшения информационной неопределенности. То есть оценка уменьшения незнания.

Первая ошибка Шеннона и последователей состоит в том, что они изменение состояния информационной неопределенности называют «количество информации».

Вторая ошибка состоит в выборе меры для оценки сообщения. Мера оценивает информационный объем сообщения, а не его содержание (семантику). Таким образом, изменение информационной неопределенности называют не изменением информационной неопределенности, а «количество информации». Но и в этом случае оценивают информационный объем, а не содержательность информации.

Сам Шенон в своей работе отметил, «что проблемы передачи информации не релевантны семантическим проблемам». Однако это не подействовало на его сторонников, и его меру снятия неопределенности через энтропию назвали количеством информации. Рассмотрим три фразы как три сообщения [7]:

- 1) «казнить нельзя, помиловать»;
- 2) «казнить, нельзя помиловать»;
- 3) «нить, ватьнепомльзя казило».

Первая фраза имеет один смысл, вторая фраза имеет противоположный смысл. Третья фраза смысла не имеет, бессмысленна. Бауэр и Гооз [8] называют это «бессмысленным языком». Но по Шенону все фразы имеют равное количество информации, так как имеют одинаковое количество символов.

Информация по Шеннону состоит не в смысле, а в информационной емкости символов. Для немецкого языка [8] один символ имеет 4,75 бит [8, стр. 60], для русского языка один символ имеет информационную емкость 5 бит [8, стр. 60]. Однако в работах термин «информационная емкость» не упоминают, а говорят «количество информации». Если ввести правильное название «информационная емкость», то все три вышеприведенные фразы эквивалентны. Они имеют равное количество одинаковых символов — равную информационную емкость, а порядок их расположения на информационную емкость не влияет. Однако они имеют разную морфологию. Объем коммуникационного сообщения не определяет семантику сообщения, а определяет информационную емкость.

В то же время «информация» по теории Шенна не является объектом права, во-первых, из-за ее вероятностного характера, во-вторых, потому, что она определяет не семантику, а морфологию информационного сообщения или его информационный объем.

Шенон называет «количество информации» снятие информационной неопределенности и исключает рассмотрение морфологии и семантики сообщений.

Итак, утверждение энциклопедии «Британик» [4], что термин «информация» возник в IX в., нельзя считать обоснованным. Исследования показывают, что его корни находятся на 1200 лет раньше эпохи Аристотеля.

В то же время другое утверждение «Британик» заслуживает внимания. В нем говорится, что термин «информация» был введен впервые в официальном документе. Он был употреблен в указе короля Георга в 1330 г. во фразе *«Men so wise should go and inform their kings.»* «Мудрые люди, должны информировать их короля». Именно этот срок следует считать официальным признанием информации как объекта права.

Список источников

1. Категории. Аристотель. Сочинения. В 4 томах (Серия «Философское наследие»). — Том 2. — Москва : Мысль, 1975—1983.
2. *Categories and de interpretation. The works of Aristotle. Volume I / translated into english under the editorship of W. D. Ross.* — Oxford, 1928.
3. Метафизика. Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). — Том 1. — Москва : Мысль, 1975—1983.
4. *Britannica, E. John Hilton Edwards // BMJ.* — 2007. — Том 335. — С. 1269.
5. Цветков, В. Я. Гипотеза об эволюции термина «информация» // Перспективы науки и образования. — 2014. — № 6 (12). — С. 9—13.
6. *Shannon, c. E. A mathematical theory of communication // The Bell system technical journal.* — 1948. — Том 27. — № 3. — С. 379—423.
7. Иванников, А. Д. Основы теории информации / А. Д. Иванников, А. Н. Тихонов, В. Я. Цветков. — Москва : МАКС Пресс, 2007.
8. Бауэр, Э. Информатика / Э. Бауэр, Г. Гооз. — Москва : Мир, 1976.

References

1. Kategorii. Aristotel'. Sochineniya. V 4 tomakh (Seriya «Filosofskoye naslediye») [Categories. Aristotle. Works. In 4 volumes (Series “Philosophical Heritage”)]. — Tom 2. — Moskva : Mysl', 1975—1983.
2. Categoriae and de interpretation. The works of Aristotle. Volume I / translated into English under the editorship of W. D. Ross. — Oxford, 1928.
3. Metafizika. Aristotel'. Sochineniya. V 4 t. (Seriya «Filosofskoye naslediye») [Metaphysics. Aristotle. Works. In 4 volumes (Series “Philosophical Heritage”)]. — Tom 1. — Moskva : Mysl', 1975—1983.
4. Britannica, E. John Hilton Edwards // BMJ. — 2007. — Vol. 335. — Pp. 1269.
5. Tsvetkov, V. YA. Gipoteza ob evolyutsii termina «informatsiya» [Hypothesis on the evolution of the term “information”] // Perspektivy nauki i obrazovaniya. — 2014. — № 6 (12). — S. 9—13.
6. Shannon, c. E. A mathematical theory of communication // The Bell system technical journal. — 1948. — Vol. 27. — No. 3. — Pp. 379—423.
7. Ivannikov, A. D. Osnovy teorii informatsii [Fundamentals of Information Theory] / A. D. Ivannikov, A. N. Tikhonov, V. YA. Tsvetkov. — Moskva : MAKS Press, 2007.
8. Bauer, E. Informatika [Computer Science] / E. Bauer, G. Gooz. — Moskva : Mir, 1976.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 347.799.62

Актуальные вопросы международного транспортного права

Альбиков Илдар Ростямович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права,
Ульяновский государственный педагогический университет
имени И. Н. Ульянова,
Ульяновск, Россия

Зайцев Евгений Олегович,
кандидат юридических наук, доцент,
Военный университет имени Александра Невского
Минобороны России,
Москва, Россия

Аннотация. Международное транспортное право регулирует правовые отношения, возникающие в процессе международных перевозок и играет ключевую роль в обеспечении безопасности, эффективности и устойчивости транспортных систем. В современном мире эта отрасль права сталкивается с рядом проблем, связанных с цифровизацией, изменением климата, геополитической нестабильностью и новыми формами логистики. В данной статье рассматриваются основные проблемы и вызовы международного транспортного права и возможные пути и предложения по их решению. Отмечается, что международное транспортное право в настоящее время находится в процессе трансформации, вызванной глобальными изменениями в экономике, политике и технологиях. Решение современных проблем требует комплексного подхода, включающего международное сотрудничество, адаптацию законодательства и внедрение инновационных решений.

Ключевые слова: международное транспортное право; логистика; цифровизация; воздушные перевозки; государственно-частное партнерство.

Для цитирования: Альбиков И. Р., Зайцев Е. О. Актуальные вопросы международного транспортного права // Вестник Юридического института МИИТ. 2025. № 4 (52). С. 48–53.

Original article

Current issues in International Transport Law

Ildar R. Al'bikov,

Candidate of Law, associate professor,
associate professor of the law department,
Ulyanovsk State Pedagogical University,
Ulyanovsk, Russia

Evgeny O. Zaitsev,

Candidate of Law, Associate Professor,
Alexander Nevsky Military University
Russian Ministry of Defense,
Moscow, Russia

Abstract. International transport law regulates legal relations arising during international transportation and plays a key role in ensuring safety, efficiency, and sustainability of transport systems. In the modern world, this area of law faces several challenges related to digitalization, climate change, geopolitical instability, and new forms of logistics. The current paper has considered the main issues and challenges facing international transport law and possible proposals for their solution. There has been noted that international transport law is currently undergoing a transformation caused by global changes in economics, politics, and technology. The solution of contemporary challenges requires a comprehensive approach, including international cooperation, legislative adaptation, and the implementation of innovative solutions.

Keywords: international transport law; logistics; digitalization; air transportation; public-private partnership.

For citation: Al'bikov I.R., Zaitsev E. O. Current issues in International Transport Law// Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2025; (4(52)):48–53.

© Альбиков И. Р., Зайцев Е. О., 2025

Международное транспортное право представляет собой обширную и многогранную область правового регулирования, охватывающую разнообразные аспекты, связанные с перемещением товаров и пассажиров через границы государств. В условиях глобализации, когда международные торговые потоки и миграция населения становятся все более интенсивными, актуальность изучения международного транспортного права воз-

растает. Это связано не только с необходимостью обеспечения правовой определенности и защиты интересов участников транспортных операций, но и с вызовами, которые возникают в результате изменений в международной политике, экономике и технологиях.

Историческое развитие международного транспортного права имеет глубокие корни, уходящие в древние времена, когда мореплавание и торговля стали основными факторами экономического роста и культурного обмена. С течением времени, с развитием международной торговли и увеличением объемов транспортных операций возникла необходимость в создании правовых норм, регулирующих эти процессы. Важнейшими этапами в формировании международного транспортного права стали заключение международных конвенций, создание специализированных организаций и развитие национального законодательства, которое должно соответствовать международным стандартам.

Важный этап развития международного транспортного права связан с ратификацией различных международных соглашений, касающихся перевозок морем и авиацией. Наиболее значимыми среди них являются Гаагские и Гааго-Висбийские правила, которые создали правовую систему, регулирующую морские перевозки. Эти документы, наряду с Конвенцией КДПГ, составляют основные компоненты правового поля, охватывающего международные транспортные отношения и защищающего права участников грузоперевозок.

Исторический хронологический анализ показывает, что вторичная форма правового регулирования транспорта возникла вне зависимости от первой волны стандартов, основанных на удаленных правопорядках. Так, в начале XX в. увеличилась необходимость более тщательной и детализированной регламентации всех этапов перевозки, что привело к созданию всеобъемлющих конвенций, таких как Варшавская конвенция о международной воздушной перевозке 1929 г. и Монреальская конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. Эти документы закладывают основы для дальнейшего регулирования авиаперевозок и защиты прав пассажиров и грузоотправителей.

Унификация международного транспортного права представляет собой важный процесс, влияющий на эффективное функционирование транспортных систем в глобальном контексте. Современные проблемы унификации международного транспортного права являются одной из ключевых тем, требующих особого внимания.

В условиях глобализации и интеграции экономик различных стран необходимость в гармонизации правовых норм становится все более очевидной. Это вызвало необходимость создания новых наднациональных агентств и организаций, таких как ИМО и ИКАО. Они занимаются внедрением единых стандартов и правил, что значительно упрощает взаимодействие между странами.

Кроме того, важно отметить, что унификация законодательства — это не только стремление к единообразию, но и уважение к различным правовым традициям, которые существуют в разных странах. Правовые системы могут быть различными по своему происхождению и философии, и унификация должна учитывать эти различия. Поэтому диалог между юристами, транспортными специалистами и государственными органами знает важные моменты, касающиеся взаимоотношений между частными и государственными интересами в транспортной сфере.

Таким образом, международное транспортное право продолжает развиваться в ответ на вызовы современности, учитывая глобализацию и потребности международной торговли, тем самым соединяя различные правовые системы и национальные интересы.

На сегодняшний день существует множество проблем, которые препятствуют достижению согласия между государствами относительно единых стандартов и правил в области транспорта. Необходимость гармонизации законодательств различных стран становится очевидной в свете быстро меняющихся условий международной торговли и логистики. Активное участие международных организаций, таких как Международный морской комитет (ММК), Межпарламентский союз (МПС), играет важную роль в этом процессе, предоставляя платформы для обсуждения и разработки совместных норм и стандартов.

Различия в национальных законодательствах, а также отсутствие единой правовой базы для регулирования международных транспортных операций создают правовые пробелы и затрудняют ведение бизнеса.

Сравнение национальных законодательств различных стран демонстрирует значительное расхождение в подходах к регулированию транспортных отношений. Это расхождение может приводить к правовым неопределенностям и создает барьеры для свободного перемещения товаров. Одной из особенностей, выявленных в исследованиях, является различие условий ответственности перевозчиков, что вызывает проблемы как для грузоотправителей, так и для самих перевозчиков. В этом контексте использование типовых законов и рекомендаций, разработанных такими организациями, как ЮНСИТРАЛ, может оказать существенное влияние на облегчение правового регулирования.

К сожалению, многие существующие международные соглашения не охватывают все аспекты современных транспортных операций. На примере морского права это говорит о недостатке адаптации к новым технологиям, таким как блокчейн и смарт-контракты, которые уже активно внедряются в логистическую практику. Унификация международного транспортного права должна учитывать эти важные технологии, чтобы сделать процесс перевозок безопаснее и более эффективным.

Одной из ключевых проблем остается отсутствие единой транспортной документации, что затрудняет ведение расчетов и ведение бизнеса. Компании зачастую сталкиваются с необходимостью адаптировать свои биз-

нес-процессы к различным национальным требованиям, что увеличивает затраты и время на обработку грузов. Разработка единой модели транспортных документов, согласованной на международном уровне, может значительно упростить данный процесс и повысить уровень доверия между участниками транспортных отношений.

Таким образом, текущие проблемы унификации международного транспортного права требуют комплексного подхода и активного участия всех заинтересованных сторон. Успешная реализация рекомендаций международных организаций не только упростит процесс международных перевозок, но и создаст основу для стабильного и безопасного развития глобальных транспортных систем. Без этого дальнейшее развитие мировой экономики и международной торговли может оказаться под угрозой из-за правовых барьеров, которые создают неопределенность и риски для всех участников транспортного процесса.

Развитие международных перевозок требует постоянного совершенствования правового регулирования. Современные вызовы, такие как усиление торговых войн, изменение климата, цифровизация и растущая роль международных организаций, требуют пересмотра существующих норм и адаптации к новым реалиям.

В сфере международного транспортного права имеется множество проблем.

1. Геополитические риски и санкции: политическая нестабильность и санкции против отдельных стран и компаний приводят к изменению маршрутов, удорожанию перевозок и юридической неопределенности. Например, ограничения на использование воздушного пространства и морских портов заставляют перевозчиков искать альтернативные пути, что повышает стоимость логистики и усложняет договорные отношения. [3]

2. Цифровизация и правовое регулирование электронных документов: развитие цифровых технологий позволило внедрить электронные накладные, цифровые таможенные декларации и блокчейн-системы для отслеживания грузов. Однако международное законодательство пока не унифицировано в этом вопросе, что приводит к юридическим коллизиям при использовании электронных документов в разных юрисдикциях.

3. Экологические стандарты и устойчивое развитие: мировое сообщество стремится снизить выбросы парниковых газов, что отражается на транспортной отрасли. Новые экологические нормы (например, IMO 2020 в морском транспорте) требуют использования более экологичных видов топлива, что увеличивает расходы перевозчиков. Кроме того, развитие «зеленых» транспортных коридоров требует юридической проработки новых механизмов регулирования.

4. Правовые аспекты использования автономного транспорта: беспилотные грузовики, дроны и автоматизированные суда уже используются в пилотных проектах. Однако правовые системы большинства стран не

адаптированы к таким технологиям, что создает правовой вакуум в вопросах ответственности за ущерб, страхования и сертификации.

5. Унификация законодательства: необходима гармонизация международных договоров и стандартов, касающихся цифровых документов, санкционных режимов и экологических требований.

6. Развитие механизмов разрешения споров: международные арбитражные суды и альтернативные методы разрешения конфликтов могут снизить юридическую неопределенность.

7. Государственно-частное партнерство: внедрение новых технологий и экологических инициатив требует совместной работы государственных органов, бизнеса и международных организаций.

8. Создание правовой базы для автономного транспорта: разработка международных стандартов сертификации и страхования автономных транспортных средств позволит ускорить их внедрение.

Таким образом, международное транспортное право находится в процессе трансформации, вызванной глобальными изменениями в экономике, политике и технологиях. Решение современных проблем требует комплексного подхода, включающего международное сотрудничество, адаптацию законодательства и внедрение инновационных решений.

Исторические аспекты его формирования и эволюции показывают, что транспортное право всегда было неотъемлемой частью международных отношений, способствуя развитию торговли, экономического сотрудничества и культурного обмена между государствами.

Международное транспортное право, несмотря на существующие проблемы и вызовы, имеет все шансы на дальнейшее развитие и совершенствование. Гармонизация норм и стандартов, активное сотрудничество между государствами и международными организациями, а также адаптация к новым реалиям и вызовам современности являются ключевыми факторами, которые будут определять будущее этой области права. Важно, чтобы все участники транспортного процесса осознавали свою ответственность и стремились к созданию более безопасной, эффективной и устойчивой транспортной системы на международном уровне.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА

Научная статья

УДК 351.74

Истоки наук, лежащих в основе обеспечения безопасности дорожного движения и технической эксплуатации транспортных средств

Жаворонков Владимир Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Вострова Дарья Анатольевна,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

Аннотация. В статье отмечается, что безопасность дорожного движения зависит от множества факторов, среди которых не последнее место занимает техническая исправность транспортных средств (далее – ТС) и соблюдение правил их эксплуатации. Приводятся статистические данные и позиция других ученых, по мнению которых, частой причиной дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) является неудовлетворительное техническое состояние ТС. В связи с этим авторами затрагиваются проблемы, связанные с такими физическими процессами, как износ, деформация и разрушение конструкционных материалов, используемых при изготовлении деталей механизмов, машин и ТС. В статье также представлена информация об основных научных открытиях, сделанных в XV–XIX вв. такими учеными, как Роберт Гук, Томас Юнг, Гийом Амонтон, Август Вёлмер, Жан-Виктор Понселе, Алан Арнольд Гриффит и др., послуживших фундаментом наук, лежащих в основе конструирования и эксплуатации ТС.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; техническая исправность транспортных средств; эксплуатация транспортных средств; износ, деформация и разрушение металлов.

Для цитирования: Жаворонков В. А., Вострова Д. А. Истоки наук, лежащих в основе обеспечения безопасности дорожного движения и технической эксплуатации транспортных средств // Вестник Юридического института МИИТ. 2025. № 4 (52). С. 54–65.

Original article

The origins of the sciences underlying road traffic safety and vehicle maintenance

Vladimir Al. Zhavoronkov,
Candidate of Technical Sciences, associate professor,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Dariya An. Vostrova,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia

Abstract. The current paper has established that road traffic safety depends on many factors, not the least of which is the technical condition of vehicles (hereinafter referred to as "V") and compliance with operating regulations. There have been given statistical data and the views of other researchers who believe that poor vehicle technical condition is a common cause of road traffic accidents (hereinafter referred to as "RTA"). In this regard, there have been considered the issues related to physical processes such as wear, deformation and destruction of structural materials used in the manufacture of parts of mechanisms, machines, and vehicles. The paper has also presented the information on the main scientific discoveries made in the 15th-19th centuries by such scientists as Robert Hooke, Thomas Young, Guillaume Amontons, August Wöller, Jean-Victor Poncelet, Alan Arnold Griffith and others, which became the foundation of the sciences underlying the design and operation of vehicles.

Keywords: road traffic safety; technical condition of vehicles; operation of vehicles; wear, deformation and destruction of metals.:

For citation: Zhavoronkov V.A., Vostrova D.A. The origins of the sciences underlying road traffic safety and vehicle maintenance // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2025; (4(52)):54–65.

© Жаворонков В. А., Вострова Д. А., 2025

Безопасность на дорогах нашей страны зависит от множества факторов. Не последнее место по их значимости занимает техническая исправность транспортных средств (далее — ТС) и строгое соблюдение правил их эксплуатации. По общему мнению специалистов и людей, далеких от сферы производства и технического обслуживания ТС, автомобиль является источником повышенной опасности [1], и поддержание его систем, узлов и

агрегатов в технически исправном состоянии является необходимым условием снижения аварийности.

Безусловно, основной причиной дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП) является человеческий фактор и, в частности, несоблюдение водителями правил дорожного движения. Однако, проанализировав состояние аварийности на дорогах нашей страны, с уверенностью можно сказать, что частой причиной ДТП является неудовлетворительное техническое состояние ТС [2, стр. 59]. По мнению ученых, исследовавших эту проблему, технические характеристики и состояние ТС следует отнести к одному из основных факторов, влияющих на безопасность дорожного движения [3, стр. 105].

В конструкции современного автомобиля насчитывается в среднем 30 тыс. деталей (сборочных единиц) [URL: <https://www.drive2.ru/b/650607144629969652/> (дата обращения: 10 декабря 2025 г.)]. Достаточно большая часть из них подвижна и в силу особенностей конструкции узлов и агрегатов, в которых эти детали задействованы, а также выполняемых ими функций, вынуждено взаимодействовать друг с другом. В основе этого взаимодействия лежат различные физические процессы, негативно влияющие на целостность деталей, а, следовательно, и на безопасность эксплуатации ТС. Постоянные вибрационные нагрузки снижают прочностные характеристики материалов и приводят к образованию различных дефектов. Длительное контактное взаимодействие деталей неизбежно приводит к изнашиванию их поверхностей, деформации, и если оставить эти процессы без должного внимания, в конечном счете, к разрушению. Результаты этого могут быть весьма трагичными, особенно если это происходит в процессе движения ТС. Согласно статистическим данным за 2024 г. доля ДТП, в которых зафиксированы технические неисправности ТС, ставшие их причиной, либо условия, при которых запрещена их эксплуатация, составила 3,8% от общего количества совершенных ДТП. Число погибших в таких происшествиях составило 6,4% (5004 человек), раненых — 4,2% (6855 человек) [4, стр. 8]. Конечно, показатели ДТП по причине технической неисправности ТС намного ниже, чем, показатели аварийности по причине, например, нарушения водителями скоростного режима, но если бы удалось их нивелировать, какое количество человеческих жизней было бы сохранено?

Износ (изнашивание) — это процесс отделения материала с поверхности твердого тела и (или) увеличения его остаточной деформации при трении, проявляющийся в постепенном изменении размеров и (или) формы тела [5]. Основной причиной изнашивания поверхностей взаимодействующих между собой деталей признано считать трение. Накопление теплоты и значительное повышение температуры в зоне трения усугубляют этот процесс. В мире и в России 80—90% машин — автомобилей, локомотивов и прочих механизмов преждевременно выходят из строя не вследствие поломок, а в результате недопустимого изменения размеров,

формы или состояния рабочих поверхностей, возникающих из-за трения и износа контактирующих деталей [6, стр. 6].

Это подтверждается и научными исследованиями. В своем выступлении на заседании Президиума российской академии наук академик И. Г. Горячева привела шокирующие цифры этих исследований, например, потери на трение в мире составляют около 30% от потребляемой энергии, что равно 2% ВВП развитых в промышленном отношении стран, трение на 25—30% понижает мощность двигателей внутреннего сгорания [URL: <https://www.liveinternet.ru/>].

<https://www.liveinternet.ru/users/3589648/post210927825/> (дата обращения: 20 декабря 2025 г.)]. По последним данным Международного комитета по трибологии, экономия от использования достижений в области трибологии в Китае уже сейчас составляет ежегодно 41,5 млрд долл. США [7, стр. 133]. Поэтому совершенно очевидно, что уменьшение вредных последствий трения привело бы к огромному экономическому эффекту.

Современная наука и технологии позволяют производить конструкционные материалы, способные выдерживать большие нагрузки и длительное механическое воздействие. Эти материалы широко применяются в автомобилестроении, производстве подвижного состава железных дорог и пр. В основе этого производства лежат познания, полученные в результате длительного изучения таких процессов, как трение, износ и деформация материалов, входящих в сферу интересов науки трибология — раздела физики, занимающегося исследованием и описанием контактного взаимодействия твердых деформируемых тел при их относительном перемещении [8].

Трибология тесно связана со многими другими науками, например, с материаловедением — междисциплинарной наукой, изучающей связь между составом, строением и свойствами материалов, и раскрывающей представление о структуре металлов, сплавов, композитов и полимеров [9], без понимания которых невозможно производство долговечных и износостойких материалов.

Трибология как наука формировалась на протяжении достаточно длительного периода времени. Но кто же стоял у истоков изучения процессов трения, износа, деформации и разрушения материалов? Еще Аристотель задумывался о внешнем сопротивлении перемещению тел, но в те далекие времена трение не выделялось как отдельная сила [10, стр. 38]. В научной литературе, да и не только, отсчет начала исследований в этой области знаний принято начинать с Леонардо ди сера Пьери да Винчи (1452—1519), в неопубликованных рукописях которого были обнаружены заметки, свидетельствующие о проводимых им исследованиях в области трения, и где, по мнению многих авторов, по сути была предпринята попытка сформулировать законы трения [11].

Безусловно, более конкретное обращение к теме трения, износа и деформации необходимо относить к более позднему периоду. Одним из уч-

ных, первым предметно заговорившим о свойствах материалов и, в частности, о законах их деформирования, является естествоиспытатель и изобретатель Роберт Гук (1635—1703), установивший зависимость между упругим напряжением и деформацией тела, вызываемой этим напряжением [12, стр. 492], и заложившим основы понятия «упругость». Закон Гука, являясь одним из ключевых законов естествознания, оказал огромнейшее влияние на дальнейшее развитие физики, механики и других наук [13, стр. 63—93]. Он актуален и по сей день; высказанные Гуком идеи нашли свое прямое отражение в практической деятельности конструкторов и инженеров при расчетах напряжений и деформации в различных конструкциях и механизмах.

Другой яркой личностью, сделавшей существенный вклад в развитие теории деформации, стал английский ученый Томас Юнг (1773—1829), установивший закономерность упругости материала при линейной (продольной) деформации — коэффициент пропорциональности, который характеризует упругие свойства материала (модуль Юнга, модуль упругости) [14]. Теоретические выкладки Юнга стали основой знаний о деформационных процессах и используются в автомобилестроении и других областях технических знаний.

Как указывалось выше, к одному из основных факторов, влияющих на износ, и, как результат, на утрату эксплуатационных характеристик взаимодействующих между собой деталей ТС относится трение, являющееся глобальным феноменом трансформации энергии внешнего относительного движения [15]. С одной стороны, трение — это необходимое условие нормальной работы практически всех машин и механизмов. С другой, огромные усилия изобретателей, конструкторов и инженеров направлены именно на снижение силы трения в работе узлов и агрегатов различных механизмов. Достижение этой цели позволило бы существенно повысить эффективность работы машин и механизмов, снизило бы энергозатраты и увеличило эксплуатационные сроки деталей, узлов и агрегатов ТС.

Начало изысканий в этой области отсылает нас ко времени, когда французский механик и физик, член Французской академии наук Гильом Амонтон (1663—1705), развивая учение Леонардо да Винчи о трении, экспериментально подтвердил сформулированный последним закон сухого трения, названный впоследствии законом Амонтонна—Кулона [16]. Согласно указанному закону сила сухого трения возникает при соприкосновении двух твердых тел при отсутствии между ними жидкой или газообразной прослойки. Хотя, по мнению многих ученых, заслуга в открытии закона сухого трения принадлежит действительному члену Российской академии наук Леонарду Эйлеру (1701—1783) [17, стр. 23], который указал на особенности процесса трения в зависимости от различных условий. Французский военный инженер Шарль Огюстен Кулон, работая в направлении изучения процессов трения, независимо от Г. Амонтонна сформулировал закон сухого трения в 1779—1781 гг., подтвердив тем самым выводы Лео-

нардо да Винчи, отчего закон и был назван его именем и именем Гильома Амонтона.

Немецкой горный инженер Вильгельм Беджейт Альберт (1787—1846) был первым, кто заговорил о таком понятии, как усталость металлов, отметив в опубликованной статье, что усталость не связана со случайной перегрузкой, а зависит от нагрузки и количества повторений ее циклов [18]. Другой известный ученый — Симеон Дени Пуассон (1781—1840) — французский математик, механик и физик, иностранный почетный член Петербургской академии наук, был одним из основоположников теории упругости. Выведенная им константа — коэффициент Пуассона, — устанавливающая абсолютное значение отношения величины относительной поперечной деформации элемента тела к его относительной продольной деформации полностью характеризует упругие свойства изотропного материала [19]. Другой немецкий инженер и механик Август Вёллер (1819—1914) стал первым, кто начал систематические исследования проблем, связанных с усталостью металлов и их разрушением под действием циклически меняющихся напряжений, представив новое видение на поведение металлов в условиях их циклического нагружения [20]; результаты исследований были опубликованы в его работе в 1863 году [21]. Также им было сформулировано понятие о физическом пределе выносливости — максимальном циклическом напряжении, при котором нагрузка может быть приложена неограниченное число раз, не вызывая разрушения.

Французский математик, механик и инженер Жан-Виктор Понселе (1788—1867), теоретик и практик, сделавший неоценимый вклад в развитие таких наук, как геометрия и механика, проводя свои исследования, обнаружил феномен, заключавшийся в снижении прочности стальных конструкций при воздействии циклических напряжений, и ввел понятие «усталость» применительно к металлам и металлическим конструкциям [22].

Вопросами влияния значения средних напряжений для различных материалов занимался и Дж. Гудман — автор книги «Механика, применяемая к инженерному делу» (Лондон, 1899), которому принадлежит разработка названной в его честь диаграммы, позволяющей определить безопасные пределы напряжений для материала при одновременном воздействии среднего (постоянного) и переменного (изменяющегося) напряжений [23].

Вторая половина XIX в. ознаменовалась началом эры автомобилестроения: немецкий инженер Карл Фридрих Бенц в 1886 г. запатентовал сконструированный им первый в мире автомобиль с двигателем внутреннего сгорания (патент *Motor Car № 1* за 1885 г) [24, стр. 741]; первый автомобиль в России был создан в 1896 г. по проекту Петра Фрезе и Евгения Яковлева [25, стр. 43]. Одновременно с этим, хотя на тот момент и неочевидной стала необходимость дальнейшего продолжения научных исследований в области трения, деформации и разрушения.

В связи с этим можно назвать много имен выдающихся ученых, проводивших исследования в этой области. В начале XX в. немецкий инженер-механик Рихард Герман Штрибек провел большое количество исследований с целью изучения изменения силы трения в зависимости от скорости скольжения и количества смазки. Результатом кропотливой работы в 1902 г. стала разработанная им так называемая «кривая Штрибека». Согласно ей в работе контактирующих деталей выделяют три режима смазки и соответственно три режима трения: граничная (oe), смешанная (oe) и жидкостная (oe), что раскрывает особенности взаимодействия поверхностей изделий при различных условиях трения. Изучение этих процессов представляло большой не только научный, но и практический интерес [26]. Исследования, проведенные Штрибеком, обогатили знания в области будущей трибологии, определив, что сила трения зависит от физико-механических свойств смазочных материалов и состояния трущихся поверхностей в зоне контакта: качества обработки поверхностей деталей, наличия смазки между контактирующими поверхностями и температуры окружающей среды [27], и позволив тем самым повысить эффективность и долговечность работы такого агрегата ТС, как двигатель внутреннего сгорания.

Нельзя не назвать и имена таких видных ученых, как немецкий инженер Кристиан Отто Мор (1835—1918) и английский инженер Алан Арнольд Гриффит (1893—1963), оставивших заметный след в области теоретической механики и сопротивления материалов.

Графический метод О. Мора (круг Мора) позволял проводить анализ напряжений при сложном напряженном состоянии, который позже лег в основу теории Мора—Кулона, а А. Гриффитс заложил основы теории хрупкого разрушения, связав размер дефектов материалов (трещин) с прочностью. В результате проведенных исследований А. Гриффитс сформулировал собственную теорию хрупкого разрушения, используя концепцию энергии упругой деформации [28]. Его заслугой является также то, что он заложил основы механики разрушения, добавив к теории упругости еще одну постоянную — поверхностную энергию [29, стр. 383].

Можно назвать еще немало имен ученых, чья научная деятельность стала основой современной трибологии, хотя между заложенными ими основами понимания процессов износа, деформации и разрушения материалов и современным состоянием науки в этой области лежит долгий и непростой путь научных изысканий, знавший и мгновенные взлеты изобретательской мысли, и годы упорного труда, а также томительное ожидание признания научных заслуг.

Огромный вклад в становление и развития современной трибологии внесли и отечественный ученые Н. А. Буше, Д. Н. Гаркунов, И. Г. Горячева, Ю. Н. Дроздов, В. И. Колесников, И. В. Крагельский, Р. М. Матвеевский, Н. М. Михин, Г. М. Сорокин, М. М. Хрущов, А. В. Чичинадзе, А. П. Семенов и др., по-

святив себя изучению проблем трения и изнашивания, а также разработке методов повышения сроков службы машин и оборудования [30, стр. 26].

Сам же термин «трибология» впервые был употреблен Питером Джостом в 1966 г. в докладе специальной комиссии Министерства образования и науки Великобритании [31] спустя почти пять столетий после первых исследований, проводимых в этой области Леонардо да Винчи.

В настоящее время исследования в области трения и изнашивания занимают одно из основных мест в деятельности научных учреждений соответствующего профиля в силу их большого значения для решения задач повышения надежности и долговечности деталей механизмов, машин и ТС [32, стр. 6]. Приоритетными направлениями исследований в области трибологии также являются: разработка более совершенных смазочных и новых конструкционных материалов, обладающих повышенной износостойкостью и долговечностью, использование которых позволит увеличить эффективность работы машин и механизмов, увеличит безремонтные сроки эксплуатации, обеспечит надежность и безопасность в транспортной сфере.

Список источников

1. Микаилов, С. М. Общественная безопасность как понятие и как стратегический национальный приоритет в сфере обеспечения национальной безопасности / С. М. Микаилов, А. Н. Богомолов // Молодой ученый. — 2017. — № 39. — С. 68—71.
2. Тухватуллин, Б. Т. Повышение безопасности при эксплуатации автомобильного транспорта / Б. Т. Тухватуллин, А. С. Корсаков, В. В. Леонтьев // Международный журнал перспективных исследований. — Том 10. — № 2. — 2020. — С. 58—64.
3. Амерсейдов, Ш. Ш. Факторы, определяющие уровень безопасности дорожного движения / Ш. Ш. Амерсейдов, А. А. Григорьев // Материалы XX Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы эксплуатации автотранспортных средств \ под общей редакцией Ю. Ф. Баженова. — Владимир : Изд-во ВлГУ, 2018.
4. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. — Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025.
5. ГОСТ 27674-88. Трение, изнашивание и смазка. Термины и определения: [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/c52/4294827038.pdf>.
6. Филиппов, М. А. Трение и антифрикционные материалы : учебное пособие / М. А. Филиппов, О. Ю. Шешуков. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021.
7. Погодина, Т. В. История золой медали по трибологии в России / Т. В. Погодина, А. В. Соколов, Т. М. Сирина // Международный Симпозиум по Трибологии ЯрТрибНорд-2021/ YarTribNord-2021: сб. материалов симпозиума, 14—15 сентября 2021 г. — Ярославль : Издательство ЯГТУ, 2022.
8. Трибология. Физические основы, механика и технические приложения : учебник для вузов / И. И. Беркович, Д. Г. Громаковский; под редакцией Д. Г. Громаковского. — Самара, 2000.

9. Материаловедение в машиностроении: учебник для вузов / А. М. Адаскин, Ю. Е. Седов, А. К. Онегина, В. Н. Климов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025.
10. Силин, А. А. Что такое трение? / А. А. Силин // Наука и жизнь. — 1974. — № 9. — С. 38—45.
11. Hutchings, Ian M. Leonardo da Vinci's studies of friction. Wear. 360–361(2016) 51–66. URL:<https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.wear.2016.04.019>.
12. Энциклопедический словарь. — Том 1. — Москва, 1953.
13. Наука. Величайшие теории: выпуск 40: В поисках формы. Гук. Закон Гука. / пер. с франц. — Москва : Де Агостини, 2015.
14. Определение модуля упругости (модуля Юнга) по деформации изгиба. Методические указания к лабораторной работе / составители В. В. Фицак, К. В. Дьяконов. — Санкт-Петербург, 2016.
15. Чичинадзе, А. В. Основы трибологии (трение, износ, смазка) : учебник для технических вузов / А. В. Чичинадзе [и др.]. — 2-е изд. переработ. и доп. — Москва : Машиностроение, 2001.
16. Журавлев, В. Ф. 500 лет закона сухого трения / В. Ф. Журавлев // Вестник МГТУ имени Н. Э. Баумана. Сер. «Естественные науки». — 2014. — № 2. — С. 21—31.
17. Euler, L. Sur la diminution de la resistance du frottement. Histoire de L'Academie Royale des Sciences et Belles Lettres a Berlin. — 1748. — P. 133—148.
18. Albert, W. A. J. Über Treibseile am Harz. / W. A. J. Albert // Archiv für Mineralogie Geognosie Bergbau und Hüttenkunde. — 1838. — T. 10. — P. 215—234.
19. Poisson, S. D. Memoire sur les equations generales de l'équilibre et du mouvement des corps solides élastiques et des fluides. Journal de l'Ecole Polytechnique. — 1831. — T. 13. — С. 1—174
20. Шанявский, А. А., Солдатенков, А. П. Новые парадигмы в описании усталости металлов / А. А. Шанявский, А. П. Солдатенков, А. П. // Вестник ПНИПУ. Механика. — 2019. — № 1. — С. 196—207.
21. Wöhler, A. Über die Versuche zur Ermittlung der Festigkeit von Achsen, welche in den Werkstätten der Niederschlesischmärkischen Eisenbahn zu Frankfurt an der Oder angestellt sind // Zeitschrift für Bauwesen. — 1863. — Vol. 13. — P. 233—258.
22. Боголюбов, А. Н. Жан Виктор Понселе (1788—1867). — Москва : Наука, 1988.
23. Херцберг, Р. В. Деформация и механика разрушения конструкционных материалов / Р. В. Херцберг; пер с англ. А. М. Бернштейна; под редакцией М. Л. Бернштейна, С. П. Ефименко. — Москва : Металлургия, 1989.
24. Колвалев, Г. П. Карл Бенц: инженер или механик? / Г. П. Ковалев, С. В. Засекова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2016. — Том 2. — С. 741—742.
25. Дронов, Н. И. История зарождения и формирование автомобильной индустрии в России в конце XIX и начале XX веков / Н. И. Дронов, Д. Р. Габдрахманов, З. Х. Бакирова // Международный научный журнал «Символ науки». — 2024. — № 10-2-2. — С. 43—44.
26. Дамдинова, Б. Б. Исследования коэффициента трения. Вывод аналитического уравнения диаграммы Герси-Штрибека / Б. Б. Дамдинова, Ч. М. Митыпов // Journal of Siberian Federal University. Engineering & Technologies. — 2022. — № 15(7). — P. 835—849.
27. Поляшкин, Н. Г. Основы теории трения, износа и смазки: учеб. пособие / Н. Г. Поляшкин; Краснояр. гос. аграр. ун-т. — Красноярск. — 2013. — 192 с.
28. Черепанов, Г. П. Механика хрупкого разрушения — М.: Наука. — 1974. — 640 с.

29. Маркочев, В. М. О теории хрупкого разрушения Я. Френкеля и А. Гриффитса / В. М. Маркочев, М. И. Алымов // Чернышевский сборник. — 2017. — Том 18. — Выпуск 3. — С. 377—389.
30. Янюшкин, А. С. Предпосылки к изучению триботехнических ресурсо-энергосберегающих металлорежущих инструментов / А. С. Янюшкин // Материалы Международной научно-практической конференции 14 июля 2023 года «Инновационные процессы в научной сфере». — КИЦ «Мир Науки». — 2023. — С. 22—31.
31. Крагельский, И. В. Трение и износ / И. В. Крагельский. — Москва : Машиностроение, 1962.
32. Колубаев, А. В. Фундаментальные и прикладные аспекты материаловедения в трибологии / А. В. Колубаев [и др.] // Физическая мезомеханика. — 2024. — № 6. — С. 5—32.

References

1. Mikailov, S. M. Obshchestvennaya bezopasnost' kak ponyatiye i kak strategicheskiy natsional'nyy prioritet v sfere obespecheniya natsional'noy bezopasnosti [Public safety as a concept and as a strategic national priority in the sphere of national security] / S. M. Mikailov, A. N. Bogomolov // Molodoy uchenyy. — 2017. — № 39. — S. 68—71.
2. Tukhvatullin, B. T. Povysheniye bezopasnosti pri ekspluatatsii avtomobil'nogo transporta [Improving safety in the operation of motor transport] / B. T. Tukhvatullin, A. S. Korsakov, V. V. Leont'yev // Mezhdunarodnyy zhurnal perspektivnykh issledovaniy. — Tom 10. — № 2. — 2020. — S. 58—64.
3. Amerseydov, SH. SH. Faktory, opredelyayushchiye uroven' bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [Factors determining the level of road safety] / SH. SH. Amerseydov, A. A. Grigor'yev // Materialy XX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy ekspluatatsii avtotransportnykh sredstv \ pod obshchey redaktsiyey YU. F. Bazhenova. — Vladimir : Iz-dvo VIGU, 2018.
4. Dorozhno-transportnaya avariynost' v Rossiyskoy Federatsii v 2024 godu. Informatsionno-analiticheskiy obzor [Road traffic accidents in the Russian Federation in 2024. Information and analytical review]. — Moskva : FKU «NTS BDD MVD Rossii», 2025.
5. GOST 27674-88. Treniye, iznashivaniye i smazka. Terminy i opredeleniya: [Elektronnyy resurs] [GOST 27674-88. Friction, wear, and lubrication. Terms and definitions: [E-resource]] // Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tehnicheskikh dokumentov. URL: <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/c52/4294827038.pdf>.
6. Filippov, M. A. Treniye i antifriktsionnyye materialy [Friction and antifriction materials]: uchebnoye posobiye / M. A. Filippov, O. YU. Sheshukov F.— Yekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2021.
7. Pogodina, T. V. Istoryya zoloy medali po tribologii v Rossii [History of the gold medal in tribology in Russia] / T. V. Pogodina, A. V. Sokolov, T. M. Sibrina // Mezhdunarodnyy Simpozium po Tribologii YarTribNord-2021/ YarTribNord-2021: sb. materialov simpoziuma, 14—15 sentyabrya 2021 g. — Yaroslavl' : Izdatel'stvo YAGTU, 2022.
8. Tribologiya. Fizicheskiye osnovy, mekhanika i tekhnicheskiye prilozheniya [Tribology. Physical foundations, mechanics and technical applications]: uchebnik dlya vuzov / I. I. Berkovich, D. G. Gromakovskiy; pod redaktsiyey D. G. Gromakovskogo. — Samara, 2000.
9. Materialovedeniye v mashinostroyenii [Materials science in mechanical engineering]: uchebnik dlya vuzov / A. M. Adaskin, YU. Ye. Sedov, A. K. Onegina, V. N. Klimov. — 2-ye izd., ispr. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo Yurayt, 2025.

10. Silin, A. A. Chto takoye treniye? [What is friction?] / A. A. Silin // Nauka i zhizn'. — 1974. — № 9. — S. 38—45.
11. Hutchings, Ian M. Leonardo da Vinci's studies of friction. Wear. 360–361(2016) 51–66. URL:<https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.wear.2016.04.019>.
12. Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic Dictionary]. — Tom 1. — Moskva, 1953.
13. Nauka. Velichayshiye teorii: vypusk 40: V poiskakh formy. Guk. Zakon Guka. [Science. Greatest Theories: Issue 40: In Search of Form. Hooke. Hooke's Law] / per. s frants. — Moskva : De Agostini, 2015.
14. Opredeleniye modulya uprugosti (modulya Yunga) po deformatsii izgiba. Metodicheskiye ukazaniya k laboratornoy rabote [Determination of the modulus of elasticity (young's modulus) from bending deformation. guidelines for laboratory work] / sostaviteli V. V. Fitsak, K. V. D'yakonov. — Sankt-Peterburg, 2016.
15. Chichinadze, A. V. Osnovy tribologii (treniye, iznos, smazka) [Fundamentals of tribology (friction, wear, lubrication)]: uchebnik dlya tekhnicheskikh vuzov / A. V. Chichinadze [i dr.]. — 2-ye izd. pererabot. i dop. — Moskva : Mashinostroyeniye, 2001.
16. Zhuravlev, V. F. 500 let zakona sukhogo treniye [500 years of the law of dry friction] / V. F. Zhuravlev // Vestnik MGTU imeni N. E. Baumana. Ser. «Yestestvennyye nauki». — 2014. — № 2. — S. 21—31.
17. Euler, L. Sur la diminution de la resistance du frottement. Histoire de L'Academie Royale des Sciences et Belles Lettres a Berlin. — 1748. — P. 133—148.
18. Albert, W. A. J. Über Treibseile am Harz. / W. A. J. Albert // Archiv für Mineralogie Geognosie Bergbau und Hüttenkunde. — 1838. — Vol. 10. — P. 215—234.
19. Poisson, S. D. Memoire sur les equations generales de l'équilibre et du mouvement des corps solides elastiques et des fluides. Journal de l'Ecole Polytechnique. — 1831. — Vol. 13. — P. 1—174.
20. Shanyavskiy, A. A., Soldatenkov, A. P. Novyye paradigmy v opisanii ustalosti metallov [New paradigms in the description of metal fatigue] / A. A. Shanyavskiy, A. P. Soldatenkov, A. P. // Vestnik PNIPU. Mekhanika. — 2019. — № 1. — S. 196—207.
21. Wöhler, A. Über die Versuche zur Ermittlung der Festigkeit von Achsen, welche in den Werkstätten der Niederschlesischmärkischen Eisenbahn zu Frankfurt an der Oder angestellt sind [On the tests to determine the strength of axles, which are carried out in the workshops of the Lower Silesian-Marchian Railway in Frankfurt-on-Oder] // Zeitschrift für Bauwesen. — 1863. — Vol. 13. — P. 233—258.
22. Bogolyubov, A. N. Zhan Viktor Pонсeле (1788—1867) [Jean-Victor Poncelet (1788—1867)]. — Moskva : Nauka, 1988.
23. Khertsberg, R. V. Deformatsiya i mekhanika razrusheniya konstruktsionnykh materialov [Deformation and fracture mechanics of structural materials] / R. V. Khertsberg; per s angl. A. M. Bernshteyna; pod redaktsiyey M. L. Bernshteyna, S. P. Yefimenko. — Moskva : Metallurgiya, 1989.
24. Kolvalev, G. P. Karl Bents: inzhener ili mekhanik? [Karl Benz: an engineer or a mechanic?] / G. P. Kovalev, S. V. Zasekova // Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavtiki. — 2016. — Tom 2. — S. 741—742.
25. Dronov, N. I. Iстория зарождения и формирования автомобильной промышленности в России в контексте XIX и начала XX веков [History of the origin and formation of the automobile industry in Russia in the late 19th and early 20th centuries] / N. I. Dronov, D. R. Gabdrakhmanov, Z. KH. Bakirova // Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «Simvol nauki». — 2024. — № 10-2-2. — S. 43—44.
26. Damdinova, B. B. Issledovaniya koeffitsiyenta treniye. Vyvod analiticheskogo uravneniya diagrammy Gersi-Shtribeka [Research of the friction coefficient. Derivation of the analytical equation of the Hersi-Stribeck diagram] / B. B. Damdinova, CH.

- M. Mityarov // Journal of Siberian Federal University. Engineering & Technologies. — 2022. — № 15(7). — R. 835—849.
27. Polyushkin, N. G. Osnovy teorii treniya, iznosa i smazki: ucheb. posobiye [Fundamentals of the theory of friction, wear and lubrication] / N.G. Polyushkin; Krasnoyarsk. gos. agrar. un-t. — Krasnoyarsk. — 2013. — 192 s.
 28. Cherepanov, G. P. Mekhanika khrupkogo razrusheniya [Mechanics of Brittle Fracture]. — M.: Nauka. — 1974. — 640 s.
 29. Markochev, V. M. O teorii khrupkogo razrusheniya YA. Frenkelya i A. Griffitsa [On the Theory of brittle fracture of Ya. Frenkel and A. Griffiths] / V. M. Markochev, M. I. Alymov // Chernyshevskiy sbornik. — 2017. — Tom 18. — Vypusk 3. — S. 377—389.
 30. Yanyushkin, A. S. Predposylki k izucheniyu tribotekhnicheskikh resurso-energosberegayushchikh metallorezhushchikh instrumentov [Prerequisites for the study of tribotechnical resource- and energy-saving metal-cutting tools] / A. S. Yanyushkin // Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 14 iyulya 2023 goda «Innovatsionnyye protsessy v nauchnoy sfere». — KITS «Mir Nauki». — 2023. — S. 22—31.
 31. Kragel'skiy, I. V. Treniye i iznos [Friction and wear] / I. V. Kragel'skiy. — Moskva : Mashinostroyeniye, 1962.
 32. Kolubayev, A. V. Fundamental'nyye i prikladnyye aspekty materialovedeniya v tribologii [Fundamental and applied aspects of materials science in tribology] / A. V. Kolubayev [i dr.] // Fizicheskaya mezomekhanika. — 2024. — № 6. — S. 5—32.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА

Научная статья

УДК 347.45

Методология правового обеспечения информационной безопасности

Максуров Алексей Анатольевич,
кандидат юридических наук,
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. В юридической науке не сложилось консенсуса относительно составляющей методологии правового обеспечения информационной безопасности, что препятствует эффективному правовому регулированию данных вопросов. По результатам исследования предлагается собственное понимание содержания категории «методология правового обеспечения информационной безопасности», в состав которой включаются средства и способы такой деятельности. Следует выделять правовые, научные, организационно-технические, информационные, трудовые, экономические (финансовые) средства и способы правового обеспечения информационной безопасности. В работе рассмотрены особенности средств и способов (методов) правового обеспечения информационной безопасности транспортной отрасли, показаны области их применения, выявлены пределы и ограничения к их применению.

Ключевые слова: информационная безопасность; средства правового регулирования; способы правового регулирования; методы правового регулирования; правовое обеспечение.

Для цитирования: Максуров А. А. Методология правового обеспечения информационной безопасности транспортной отрасли // Вестник Юридического института МИИТ. 2025. № 4 (52). С. 66–72.

THEORY AND HISTORY OF TRANSPORT LAW

Original article

Methodology of legal support for information security

**Aleksey An. Maksurov,
Candidate of Law,
P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russia**

Abstract. There is no consensus in legal scholarship regarding the components of the methodology for legal support of information security, which hinders the effective legal regulation of these issues. Based on the results of the current study, there have been proposed our personal understanding of the category “methodology of legal support of information security”, which includes the means and methods of such activities. It is necessary to distinguish between legal, scientific, organizational, and technical, informational, labor, and economic (financial) means and methods of legal support of information security. There has been considered the specifics of the means and ways (methods) of legal support of information security in the transport industry, highlighted their areas of application, and identified the limits and limitations of their application.

Keywords: information security; means of legal regulation; ways of legal regulation; methods of legal regulation; legal support.

For citation: Maksurov A. A. Methodology of legal support for information security // Bulletin of the Law Institute of MIIT. 2025; (4(52)):66–72.

© Максуров А. А., 2025

Введение

Отсутствие единства мнений по поводу понятия и компонентов методологии правового обеспечения информационной безопасности транспортной отрасли представляется крайне актуальным. Именно в транспортной сфере присутствует большое число потенциальных объектов для противоправного воздействия с точки зрения вторжения в информационный обмен. Информационная уязвимость этих объектов создает реальную угрозу для большого числа людей, так или иначе связанных с транспортным процессом. В свою очередь, специфика информационных систем сферы транспорта предполагает и применение особых средств и способов правового обеспечения их безопасности.

Исследование

В юридической литературе, вслед за литературой по философии, сегодня распространены различные, часто значительно отличающиеся друг от друга суждения относительно того, что же подразумевается под методологией науки вообще и под методологией действия права в частности. Относительное единство мнений достигнуто по следующим вопросам.

Прежде всего, для механизма правового воздействия, согласования действий субъектов права в реальном мире с помощью правовых предписаний необходим некоторый эмпирический и теоретический материал, ко-

торый и составляет методологическую основу правового воздействия [4, стр. 22].

Обычно в качестве основы в него включают юридическую технику (средства) и тактику (способы), но не средства и способы вообще, а средства и способы применительно к конкретной разновидности юридической деятельности [2, стр. 52]. Средства и способы как методы определяют процессуальные формы взаимодействия субъектов права [9, стр. 17], но реализуются они лишь на основе принципов соответствующей юридической деятельности [12, стр. 62]. С помощью этих методов (средств и способов) реализуются функции права [10, стр. 32], однако они всегда реализуются исключительно в рамках той или иной юридической практики [3, стр. 92], причем и сама практика (деятельность) всегда выражается в конкретных правовых актах [5, стр. 56].

Таким образом, в основе методологии правового воздействия находятся средства, которые применяются теми или иными способами на основе определенных принципов. В любом случае, фундаментом методологии правового воздействия будет юридическая техника как правовой инструментарий — единство общесоциальных, технических, специально-юридических и любых иных средств воздействия на общественные отношения. Можно сказать даже, что методология — это учение о технике, тактике, стратегии, методике познания и преобразования реальной деятельности, о структуре научного знания и наиболее перспективных путях и направлениях, как научного поиска, так и непосредственного воздействия на тот или иной объект. Методология разрешает вопрос о направлениях и способах правового регулирования вопросов правового обеспечения информационной безопасности транспортной отрасли.

Объект и предмет правового воздействия

Для того чтобы уяснить сущность применяемых средств, взятых в единстве со способами и принципами их применения и в совокупности именуемых методами правового обеспечения информационной безопасности транспортной отрасли, следует установить объект и предмет правового воздействия, поскольку именно его специфика и обуславливает специфику методов.

Представляется, что объект исследования здесь — это общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения информационной защищенности, во-первых, объектов транспорта, во-вторых, информационных прав и охраняемых законом интересов личности, государства и общества в сфере информации. Два вида отношений взаимосвязаны, в связи с чем можно вести речь о дуализме объекта данного исследования.

Объект правового воздействия тесно связан с объектом правовой защиты.

В связи с этим основными объектами национальных интересов в информационной сфере является информация, информационная инфраструктура и правовой статус субъектов информационной сферы.

В свою очередь, предмет правового воздействия всегда определяется проблематикой объекта и в настоящем случае можно говорить о его связности требованием обоснованности и соразмерности государственного контроля реализации субъектами своих информационных потребностей в транспортной отрасли с информационными правами и охраняемыми законом интересами в сфере информации.

Именно такой подход позволяет, в итоге, определить подлежащие применению в целях обеспечения информационной безопасности транспортной отрасли методы (средства и способы).

Методы правового обеспечения: общая характеристика и виды

Анализ проблемы свидетельствует о том, что в науке прослеживаются три взаимосвязанные тенденции, влияющие на эффективность и качество правового обеспечения информационной безопасности: во-первых, методы правового обеспечения выделяются хаотически, без должной их классификации и обоснования один от другого, во-вторых, мало кто из авторов учитывает, при предложении методологии правового регулирования вопросы правового обеспечения информационной безопасности, специфику тех сфер деятельности, информационная безопасность в которых призвана обеспечиваться с помощью права, и в-третьих, большинство авторов, оставаясь, в первую очередь, на управленческих и технологических позициях, отождествляют способы и методы правового обеспечения информационной безопасности [1, стр. 19].

Вместе с тем у методов правового обеспечения той или иной разновидности человеческой деятельности или ее компоненты (сфера) есть свои характерные черты.

В первую очередь, такие методы будут публично-правовыми, по аналогии с признаками, выделяемыми в других институтах административного права [8, стр. 23], хотя в ряде случаев не исключается и применение частноправового инструментария [11, стр. 110], однако как инструментария, в данной ситуации, вторичного. Все эти методы (средства и способы) неизбежно имеют технологическую составляющую, так как служат для обеспечения информационной безопасности, а это возможно только в рамках технологии, как более широкого понятия сравнительно с «техникой» [7, стр. 12]. Кроме того, применение соответствующих методов должно быть согласовано между собой [6, стр. 34].

По мнению автора, верным будет определение методов правового обеспечения информационной безопасности транспортной отрасли с точки зрения, во-первых, специфики сферы транспорта, во-вторых, целей информационной безопасности объектов транспорта и связанных с ними лиц, в-третьих, особенностей применяемых для обеспечения информационной безопасности способов и средств. Отождествление же способов и методов правового обеспечения информационной безопасности, которое не исключено в принципе, в предлагаемом в научной литературе варианте явно невозможно, поскольку речь в работах большинства авторов идет о

таких способах (методах) обеспечения информационной безопасности, как управление рисками, повышение устойчивости к деструктивным воздействиям (например, создание систем парирования и ликвидации последствий деструктивных действий), создание систем и средств защиты от угроз, уничтожение (изоляция) источников угроз и проч., что, по своему содержанию, явно выглядит более узким, чем существующие методологические приемы.

В результате предлагается выделять правовые, научные, организационно-технические, информационные, трудовые, экономические (финансовые) средства и способы правового обеспечения информационной безопасности на транспорте.

Заключение

Категория «методология правового обеспечения информационной безопасности» — это особая взаимосвязь эмпирического и теоретического материала. Она включает в себя три вида компонентов: средства правового обеспечения, способы использования данных средств и принципы правового обеспечения, в соответствии с которыми выбираются и реализуются средства и способы применения этих средств. В совокупности они представляют собой методы правового обеспечения информационной безопасности.

Методы обуславливают объект и предмет правового воздействия. В работе определен объект правового воздействия. Он будет дуальным и тесно связанным с объектом правовой защиты. Предмет правового воздействия формулируется исходя из специфики объекта и всегда конкретен.

В работе показана специфика методов правового обеспечения информационной безопасности. Предлагается выделять шесть обособленных групп методов, дальнейшее исследование которых способно привести к их закреплению в нормативных правовых актах, учету при тех или иных процедурах и формах систематизации законодательства, при толковании права и, главным образом, при его применении, в том числе судами, т.е. будет содействовать повышению эффективности правового регулирования в исследуемой области в целом.

Список источников

1. Архипов, В. В. Открытая концепция регулирования Интернета вещей / В. В. Архипов, В. Б. Наумов, Г. А. Пчелинцев, Я. А. Чирко // Информационное право. —2016. —№ 2. — С. 18—25.
2. Карташов, В. Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики / В. Н. Карташов // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции, 15 мая 2011 г. — Тамбов, 2011.
3. Карташов, В. Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности / В. Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сборник научных трудов V Межвузовской научно-практической конференции / ответственный редактор Г. Г. Бриль. — Кострома, 2007.

4. Карташов, В. Н. Механизм координационного регулирования / В. Н. Карташов ответственный редактор П. А. Кабанов. Нижнекамск, 2001.
5. Кивленок, Т. В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т. В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник научных трудов. — Владимир : ВГПУ, 2002. — Выпуск 3.
6. Макаров, И. И. Координация в праве / И. И. Макаров. — Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012.
7. Максуров, А. А. Глобальные информационные технологии с позиций международного права. Часть 1 / А. А. Максуров // Общенациональный журнал. — 2025. — № 1. — С. 8—15.
8. Максуров, А. А. Методы публично-правового регулирования образовательной деятельности / А. А. Максуров // Юрист вуза. — 2025. — № 8 (258). — С. 21—28.
9. Таланова, М. В. Виды процессуальных форм медиативной юридической деятельности / М. В. Таланова // Российская юстиция. — 2012. — № 1. — С. 14—24.
10. Таланова, М. В. К вопросу о классификации функций медиативной юридической практики / М. В. Таланова // Современное право. — 2012. — № 10. — С. 28—34.
11. Таланова, М. В. Эффективность норм частного права / М. В. Таланова / Частно-правовые отношения в условиях глобализации. Saarbrücken: Lambert academic publishing. — 2012 — Часть 1. — С. 109—116.
12. Фролов, С. Е. Принципы координационной деятельности / С. Е. Фролов // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник научных трудов. — Владимир, 2002.

References

1. Arkhipov, V. V. Otkrytaya kontsepsiya regulirovaniya Interneta veshchey [Open concept of internet of things regulation] / V. V. Arkhipov, V. B. Naumov, G. A. Pchelintsev, YA. A. Chirko // Informatsionnoye pravo. — 2016. — № 2. — S. 18—25.
2. Kartashov, V. N. K voprosu o ponyatii koordinatsionnoy yuridicheskoy taktiki [On the concept of coordination legal tactics] / V. N. Kartashov // Razvitiye molodezhnoy yuridicheskoy nauki v sovremenном mire : sbornik nauchnykh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii, 15 maya 2011 g. — Tambov, 2011.
3. Kartashov, V. N. Koordinatsionnaya yuridicheskaya praktika gosudarstvennykh organov: vzglyad na problemu effektivnosti [Coordination legal practice of state bodies: a look at the problem of efficiency] / V. N. Kartashov // Aktual'nyye problemy teorii i istorii prava i gosudarstva na sovremenном etape : sbornik nauchnykh trudov V Mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / otvetstvennyy redaktor G. G. Bril'. — Kostroma, 2007.
4. Kartashov, V. N. Mekhanizm koordinatsionnogo regulirovaniya [Mechanism of coordination regulation] / V. N. Kartashov otvetstvennyy redaktor P. A. Kabanov. Nizhnekamsk, 2001.
5. Kivlenok, T. V. Pravovoy akt kak vneshnyaya forma koordinatsionnoy deyatel'nosti [Legal act as an external form of coordination activity] / T. V. Kivlenok // Aktual'nyye problemy yurisprudentsii : sbornik nauchnykh trudov. — Vladimir : VGPU, 2002. — Vypusk 3.
6. Makarov, I. I. Koordinatsiya v prave [Coordination in law] / I. I. Makarov. — Yaroslavl' : YAF MFYUA, 2012.
7. Maksurov, A. A. Global'nyye informatsionnyye tekhnologii s pozitsiy mezhdunarodnogo prava. Chast' 1 [Global information technologies from the standpoint of inter-

- national law. Part 1] / A. A. Maksurov // Obshchenauchnyy zhurnal. — 2025. — № 1. — S. 8—15.
8. Maksurov, A. A. Metody publichno-pravovogo regulirovaniya obrazovatel'noy deyatel'nosti [Methods of public-law regulation of educational activities] / A. A. Maksurov // Yurist vuza. — 2025. — № 8 (258). — S. 21—28.
 9. Talanova, M. V. Vidy protsessual'nykh form mediativnoy yuridicheskoy deyatel'nosti [Types of procedural forms of mediation legal activity] / M. V. Talanova // Rossiskaya yustitsiya. — 2012. — № 1. — S. 14—24.
 10. Talanova, M. V. K voprosu o klassifikatsii funktsiy mediativnoy yuridicheskoy praktiki [On the issue of classification of functions of mediation legal practice] / M. V. Talanova // Sovremennoye pravo. — 2012. — № 10. — S. 28—34.
 11. Talanova, M. V. Effektivnost' norm chastnogo prava [Efficiency of private law norms] / M. V. Talanova / Chastno-pravovyye otnosheniya v usloviyakh globalizatsii. Saarbrücken: Lambert academic publishing. — 2012 — Chast' 1. — S. 109—116.
 12. Frolov, S. Ye. Printsypr koordinatsionnoy deyatel'nosti [Principles of Coordination Activity] / S. Ye. Frolov // Aktual'nyye problemy yurisprudentsii : sbornik nauchnykh trudov. — Vladimir, 2002.

ТРЕБОВАНИЯ к материалам, представляемым для опубликования в журнале «Вестник Юридического института МИИТ»	REQUIREMENTS for the materials submitted for publication in the journal “Bulletin of the Law Institute of MIIT”
<p>Представленные статьи должны быть оригинальными, не опубликованными ранее в других изданиях. Статьи должны быть актуальными, обладать новизной, содержать выводы исследования, а также соответствовать указанным ниже правилам оформления. В случае ненадлежащего оформления статьи она направляется автору на доработку.</p> <p>Статья представляется в электронном виде в формате Microsoft Word по электронному адресу: albinadg@mail.ru.</p> <p>Адрес редакции: 127994, г. Москва, ул. Образцова, д 9, стр. 9, учебный корпус 6.</p> <p>Объем статей — от 20 тыс. до 40 тыс. печатных знаков (0,5—1,1 усл. п. л.), рецензий, обзоров зарубежного законодательства — до 20 тыс. знаков (0,5 усл. п. л.)</p> <p>При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Размер шрифта для основного текста статей — 14. Сноски в тексте приводятся в [квадратных скобках], их нумерация должна соответствовать списку литературы, размещенному в конце статьи в алфавитном порядке; ссылки на комментарии приводятся в (круглых скобках).</p> <p>Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в квадратных скобках по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0. 100-2018 «Библиографическая ссылка».</p> <p>Название статьи приводится на русском и английском языке. Заглавие должно быть кратким и информативным.</p> <p>Сведения об авторах приводятся на русском и английском языках:</p> <p>фамилия, имя, отчество всех авторов полностью;</p> <p>полное название организации — места работы каждого автора в именительном падеже, ее полный почтовый адрес;</p> <p>должность, звание, ученая степень автора;</p> <p>адрес электронной почты для каждого автора.</p>	<p>Submitted papers must be original, not previously published in other publications. The material should be relevant, have a novelty, contain the results of the study, as well as comply with the mentioned below rules of registration. In case of improper registration, the papers will be sent back to the author for revision.</p> <p>All papers should be submitted in an electronic form in Microsoft Word format via e-mail albinadg@mail.ru.</p> <p>The official address of the editorial board is Obraztsov Str., 9/9, Educational Building 6, Moscow, 127994.</p> <p>The paper should be of 20.000-40.000 of pr.ch. (0.5-1.1 conv. pr.'s sheets) of A4 format, article reviews and reviews of foreign legislation should be up to 20.000 of pr.ch. (0.5 conv. pr.'s sheets).</p> <p>The paper should be printed in Microsoft Word format, Times New Roman, font-size 14 Pt. Footnotes in the text should be given in [square brackets]; their numbers should correlate to the references, given at the end of the article in alphabetical order. References to the comments should be put in (parentheses).</p> <p>References to Internet resources and archival documents are enclosed in square parentheses in the text or at bottom of the page according to the samples of the GOST Р 7.0. 100-2018 «Bibliographic reference».</p> <p>The title of the paper is given both in Russian and in English. The title should be short and informative.</p> <p>The information about authors is given both in Russian and in English:</p> <p>surname, name, middle name (IN FULL WORDS) of EACH author;</p> <p>official name of the organization in Nominitive case (where EACH author works) with its full postal address;</p> <p>position, scientific degree, scientific status (if any) of EACH author;</p> <p>contacts (an e-mail) of EACH author.</p>

Аннотация — независимый от статьи источник информации, краткая характеристика работы, включающая в себя актуальность, постановку проблемы, пути ее решения, результаты и выводы. В ней указывают, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Рекомендуемый объем — 200—250 слов на русском и английском языках.

Ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Необходимое количество ключевых слов (словосочетаний) — 6—10. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

В конце статьи приводится **список литературы**, в котором необходимо указать научные источники. Нормативный материал в список литературы не включается. Список следует оформлять по ГОСТ Р 7.0. 100-2018.

Статьи рецензируются. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При отрицательном отзыве рецензента автору предоставляется мотивированный отказ в опубликовании материала.

Оригинальность текста должна составлять не менее 75% от объема статьи.

В журнале используются сокращенные наименования органов государственной власти в соответствии с Перечнем полных и сокращенных наименований федеральных органов исполнительной власти, установленным распоряжением Администрации Президента РФ совместно с Аппаратом Правительства РФ от 16 июля 2008 г. № 943/788.

An abstract is an independent source of information, short description of the work, which contains a goal, a brief description of the research methods, a description of the main results and concise conclusions. The abstract clearly indicates that the article is original in comparison with others related in subject and purpose. The abstract of 200—250 words is recommended both in Russian and in English.

Keywords are given both in Russian and in English. There should be 6—10 of words or word combinations. Keywords are separated from each other with a semicolon.

At the end of the paper there should be given **references** (both in Russian and in English) arranged according to the GOST R 7.0. 100-2018 «Bibliographic reference. General requirements and rules of compilation». Normative material should not be included into the list.

All papers are peer reviewed. The authors are given the opportunity to get acquainted with the content of reviews. In case of a negative review, the author is provided with a motivated refusal to publish the material. The text originality should be not less than 75% of the total paper.

There are used abbreviated names of state authorities in accordance with the List of full and abbreviated names of Federal executive authorities established by the order of the Presidential Administration of the Russian Federation together with the Government Office of the Russian Federation of July 16, 2008 No. 943/788.